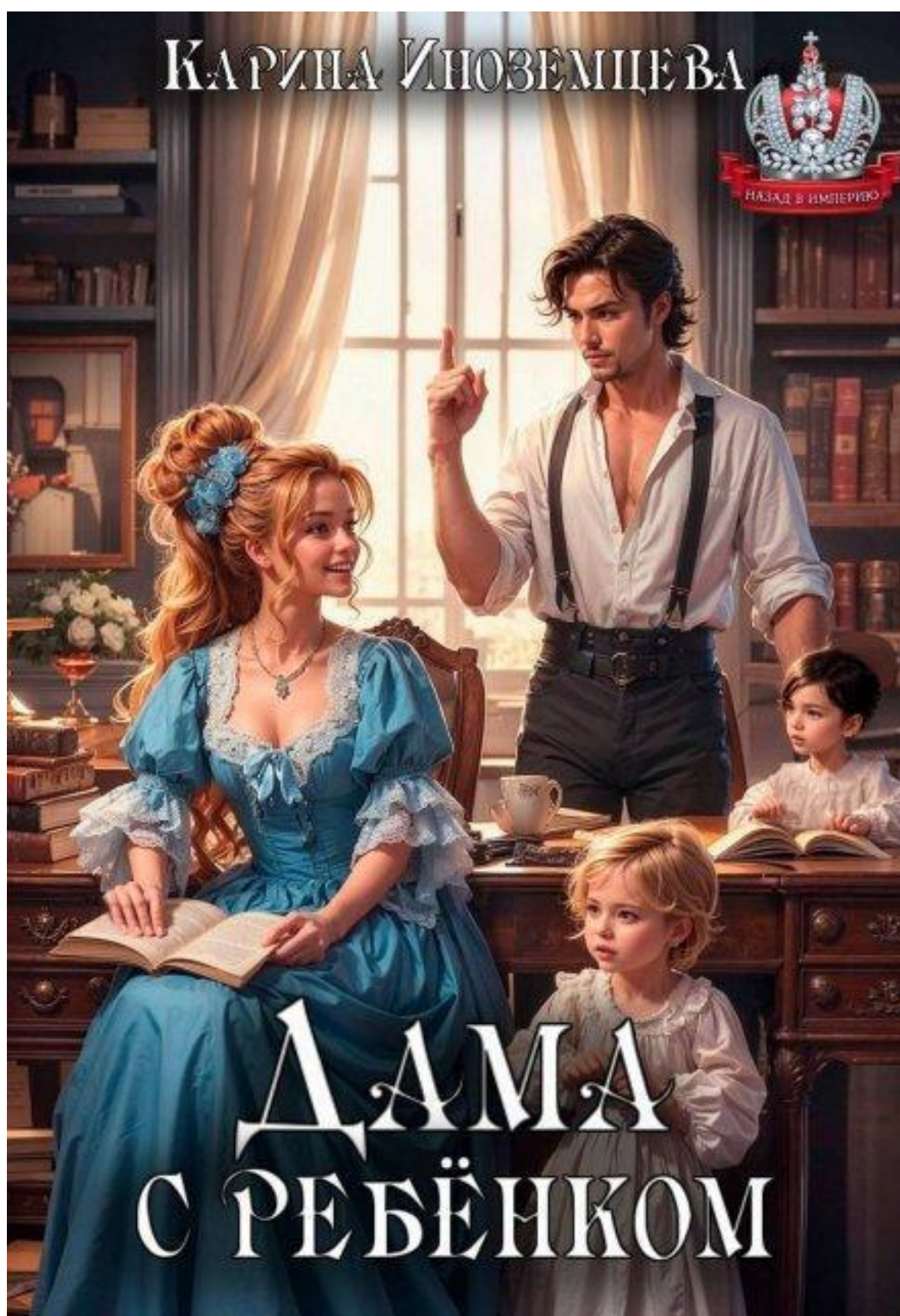

КАРИНА ИНОЗЕМЦЕВА

ДАМА
С РЕБЁНКОМ

Карина Иноземцева

Дама с ребенком

«Литнет»

2024

Иноземцева К.

Дама с ребенком / К. Иноземцева — «Литнет», 2024

Антонина Павловна Астахова - личность странная, скрытная. Официально работала гувернанткой, а неофициально... Попаданке досталось не только тело Антонины, но и ее враги и криминальные дела. Девушке надо разобраться с бандитским прошлым и найти не только своего убийцу, но и свою переродившуюся дочь. А любовь? Какая любовь? Разве в 19 веке можно влюбиться в гувернантку с криминальным прошлым? В книге вас ожидают:♥# попаданка, готовая расследовать дело о собственном убийстве♥#хитросплетенная детективная линия♥#загадочный незнакомец♥#дерзкая попаданка♥# исторические личности♥# развитие с самых низов♥# бытовое развитие♥#не смотря на все беды и несчастья, обещаю ХЭКнига участвует в литомбе «Назад в империю» - жмите на хэштег и смотрите БУКТРЕЙЛЕР ЭКСКЛЮЗИВНО на Литнет.

© Иноземцева К., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

1. Обещание	5
Визуалы	8
2. Первое "приветствие"	9
3. Привет из другого мира	12
4. Наглая дама с ребенком	16
5. Убирайтесь, нищebroды!	20
6. У меня и жених имеется!	24
Визуалы	29
7. Тайны Антонины	30
8. Школа жизни	33
9. Главная Подозреваемая	37
10. Проклятье ведьмы	40
11. Свидетель	43
12. План	46
13. Продолжение	49
14. Осознание	52
15. Непредвиденная встреча	56
16. Два ума	60
17. Встала с колен	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

1. Обещание

1. Обещание

Я больше не плакала. Сидела на краю крыши смотрела в никуда. Там, за тридцатизэтажными высотками, виднеется кусочек неба. Такой голубой, чистый, свежий, что мне совестно наблюдать за ним со своими ужасными мыслями. В моих руках лежала любимая игрушка дочки. Настолько любимая, что малышка не выпускала ее из рук даже в туалете.

Почему же этот фиолетовый, плюшевый конь с крыльями у меня?

Потому что у меня больше нет... Ее больше нет. Моей любимой дочери... Дочурки... Моего света в окошке... Ее больше нет.

Она исчезла в одно мгновение. Вот, я держала ее за руку и вела в садик. Мы проговаривали чистоговорки для развития речи. Шли и пели на всю улицу, пугая серую толпу своими голосами:

— Му-му-му, — начинаю и смотрю по сторонам, чтобы перейти пешеходный переход.

— Му-му-мууу, — старательно тянет детский голосок.

— В садик с мамой я...

Визг тормозов... Меня отбрасывает назад. Назад потому что тело моей малютки находится на капоте урода!

Машина протащила меня, дочку и еще пару человек несколько метров, а потом врезалась в столб. Моя малютка умерла мгновенно...

В руках злосчастная игрушка. Грязная. Порванная. Со следами крови. А внизу асфальт. Я не вижу его, ведь люди снуют туда-сюда, а машины больше похожи на огромного червя, который разрывает поверхность земли и впивается под кожу в виде станций метро.

— Му-му-мууу, — тяну долгое "у" пытаюсь лавировать на грани оставшегося самосознания. Самосохранение вопит:

"Отойди от края!"

А я не могу-у-у.

Вся моя жизнь заключалась в пятилетней крохе. В ее голубых глазенках, длинных ресницах, смешного, детского говора и маленьких ручках. У меня нет родителей, с мужем развелась, потому что я выбрала рожать, а не делать аборт. Я была сконцентрирована на дочери и работе.

Господи! Как же мне быть? Как мне жить после такого-у-у-у!!!

— Будь ты проклята! — слышу за спиной проклятье и не успеваю обернуться, как меня некто толкает рукой.

Кроссовки на краткий миг становятся скользкими, и я падаю вниз.

Кому я успела насолить? За что можно убить человека?

Темная тень в лучах солнца осталась стоять на краю крыши, а я успела прижать к груди любимую игрушку дочки.

Я не желаю умирать! Я хочу отомстить за смерть дочки и найти того, кто убил меня!

— Спаси детей и их будущее. Вернешь свою дочь! — резкий голос прорвался сквозь шум падения и...

Открыла глаза. Темный потолок. Скрипучая кровать на железной пружине. Странное помещение.

Может... Я не умерла, а страдаю шизофренией?

По холодному, скрипучему, деревянному полу подошла к двери. Дверь скрипнула. Распахнула ее и вышла в небольшой зал. Со стороны зала вход в комнату где я проснулась был спрятан за тяжелую штору с кисточками. Оформление зала напомнило мне музей, где мебель в стиле ампира соседствует с разными картинами. Картины и людей, и животных и даже пара

пейзажей заменяли здесь обои. Тут не только картины были разные, но и их рамы не подходили под стили друг другу. Пара рам на больших портретах были позолоченные, а все остальные деревянные либо черные. Пара диванов обитых темной тканью явно нуждалась в ремонте: виднелись стертости, а кое-где уже выскакивала пружина и неумелый мастер просто приклеил кусочек ткани, совсем не подходящей по цвету. Столик с изогнутыми предположительно позолоченными ножками, удерживал на себе папки, стопку листов, пару тарелок и кружку. Хотя нет, кружкой, это произведение искусства трудно назвать. С изогнутыми краями и живописными цветами она выглядела не хуже картин на стенах. Стулья здесь были тяжелые с фигурными ножками и спинкой, но с ободранной седушкой. На них явно была ткань, но со временем красота поизносилась. Вместо ремонта ее просто отодрали и оставили голую дырявую доску. Люстра свисала с потолка многочисленными стеклянными висюльками. Если бы я под нее встала, то обязательно зацепилась макушкой о самый нижний ряд.

Нет. Это все же шизофрения... Или амнезия, как последствие черепно-мозговой травмы вследствие падения с двадцатипятиэтажного здания.

Одна из штор зала отодвинулась и перед моими глазами появился невысокий мужчина в белой рубашке и черных узких штанах со стрелочкой. На себя он надевал жилет. Увидев меня, мужчина замер.

— Антонина? — мужчина осмотрел меня и кашлянул, будто намекал на что-то. — А вы... — выразительный взгляд на меня, — Уже встали?

— Н-навверное. — Шокировано смотрю на джентльмена, который старательно делает вид будто рассматривает что-то на стене.

Согласна, посмотреть там есть на что - картины на любой вкус и цвет. Но при этом он принципиально не замечает меня.

— Хорошо, что встали, но... Вы, наверное, не успели привести себя в порядок.

Хлопаю глазами и только тут соображаю посмотреть на себя.

Мое тело одето в длинную белую сорочку с рукавами до самых пят. Сорочка скрывает все тело целиком: от самой шеи и до кончиков пальцев. Немного застиранная, но чистая, свежая ночнушка напомнила мне вещи из бабушкиного комода, который достался ей от прабабушки.

— Антонина, не беспокойтесь. Иван спит, а я сам смогу найти чай. — Джентльмен по кругу обошел стол, едва не спотыкнувшись о стул, чтобы пройти максимально далеко от меня и исчез за еще одной драпированной шторкой.

А я так и осталась с широко открытым ртом и обледеневшими ногами. Полы здесь все же холодные.

Ничего не понимаю. Что происходит?

Вернулась в комнатку. Здесь нашла небольшую нишу за которой стоял чемодан. Чемодан был больше похож на сундук и выглядел как историческая декорация к старому фильму. На чемодане лежали длинные чулки грязно-коричневого оттенка с застежками. Я такие застежки видела лишь раз в жизни и то, не сообразила куда и как их цеплять. Под чулками нашлось платье и подъюбник с белыми... Это, наверное, воротник и манжеты. Рядом с чемоданом стоял таз с кувшином и водой.

Страшно, но даже в своих галлюцинациях надо вести себя пристойно.

"Бегают по дому и горланят только истерички. А ты — сядь, обдумай ситуацию и придумай решение. Если не умираешь, то подумать всегда можно успеть", — рассудила я и решила на ежедневный ритуал: умывание и одевание.

Как я цепляла чулки и к каким панталонам - смолчу. Воротник и манжеты вовсе трогать не стала. А колючее серое платье заставила себя надеть, убеждая что через белую ночнушку я ничего не почувствую.

Пока одевалась, поняла, что у меня длинные светло-русые волосы, а в отражении воды... Ничего я там не увидела. И как в тазу можно вообще хоть что-то разглядеть? Там все расплывается, волнуется, расходится. Ни глаз, ни ножек, ни рожек не видно.

Заплела гулю на скорую руку и решила посмотреть, что за дом мне мерещится. Выйдя из комнаты, вновь столкнулась с утренним мужчиной. Он спешно собирал листы и папки со стола, скидывая их в портфель-чемодан-сумку. При этом он перевернул чернильницу и из нее вылились чернила. Черное пятно растеклось и едва не заляпало книги, но я успела их убрать и накинуть на проворную жидкость тряпку.

— Спасибо, Антонина, — немного замялся незнакомец. — Сегодня слушание. Опять нашли тело неизвестного. Убийца определенно имеет один подчерк. Это прослеживается в убийствах. Но за последние полгода он буквально бьет собственный рекорд. Уже два трупа и из зацепок - аккуратный разрез на брюшной области.

Он замер, вглядываясь в мое лицо, будто ожидал чего-то.

— Удачи, — выдавила из себя, боясь разговаривать с продуктом собственного воображения.

— Ах, да... — он отложил сумку-чемодан и быстро спрятался в комнате со шторами. — Сегодня откроется ремонтная. Отнесите мои перья, пусть подточат, а парочку - заменят.

Мне в руки передали небольшой деревянный ящик. В нем лежали перья разного номинала. Тут и гусиные, и утиные и пара лохматых, затертых, похожих на мусор. Взяв в руки странное приспособление, повертела его в руках. Пока разглядывала, мужчина успел убежать по своим делам, но... Свой чемодан с вещами - забыл.

Я тут же бросилась к нему. Мне надо было узнать, что это за место. Место, в котором я не ощущаю саму себя, как привычную личность. Во мне борется любопытство и желание жить. Жить не так, как многие привыкли: бегать по лужку среди бабочек. Я желаю чего-то необычного, эффектного, яркого, разрывающего душу. Наверное, меня тянет к эпическому преображению чувство острой боли в сердце, которое нельзя ничем заглушить. Я хочу вспорхнуть, как самая яркая бабочка, чтобы умереть в огне, как мотылек.

Странное чувство. Согласна.

Мои руки спешно перебирали какие-то осмотры места преступления, осмотр трупа, допросы. Все было за подписью Черного Василия — младшего дворянского заседателя.

Наверное, это тот мужчина, который встретил меня сегодня.

Внезапно в комнату проник... Детский плач. Плакал ребенок. Совсем рядом.

Дочка?

Дорогие читатели!

Рада сообщить, что стартовала четвертая история в рамках литмоба "Назад в империю"

Визуалы

Гувернантка вышла в город

Бедное платье и положение = шанс исправить все

2. Первое "приветствие"

Плакал мальчик в смежной комнате с моей. Но увидев меня, годовалый малыш успокоился и начал меня рассматривать. Казалось, что в его глазах отражается понимание того, что я не та Антонина, которая раньше баюкала малыша.

В небольшой комнатке, похожей на чулан. Заставленной шкафами и ящиками маленькая детская кроватка смотрелась как нечто чужое. Игрушек здесь не было. Был ребенок, который внезапно затих, увидев меня.

Не веря собственным глазам, я протянула руки к малышу. Мальчишка, приподнялся на ножки и буквально свалился мне в руки.

— Папа! — выдало это чудо.

— Он отправился на работу, — автоматически ответила ребенку, ощущая, как жар от маленького тельца бежит по моим рукам и задевает камень на моем сердце. — Он оставил сына со мной. Твоей няней — Антониной. — продолжила говорить, боясь нарушить идиллию маленького мирка успокоения. — Тоней. — тут же поправилась. — То-о-о-ня-а-а, — пропела, поднимая ребенка на руки.

По моим щекам побежали слезы. Боль стискивала мое сердце, но этот малыш на моих руках был таким легким. Почти невесомым и мягким. Его пухлые щечки еще не потеряли детской привлекательности, а умные, любопытные глазки наблюдали за мной.

Господи, какой же он... Живой!

Сдерживая себя, вышла в зал и оставила ребенка на арт-диване. Мальчишка тут же забрался вверх и с помощью грядущки, стал прыгать, смешно вихляя попкой. С детской непосредственностью, он смотрел на меня, ожидая реакции. А я плакала и улыбалась. Стирала слезы и смеялась.

Неужели я смогу вернуть дочь, если помогу вырасти этому малышу? Но я ведь даже имени его не знаю! И... Стоп!

На дворе 1803 год!

Даты опросов, осмотров и допросов четко прописаны на документах Василия. Самые последние даты — это первый месяц зимы!

От дум меня отвлек настойчивый стук в дверь. Нет, не просто настойчивый, а больше похожий на барабанную дробь перед атакой войска. Я такой по телевизору слышала.

Подняв ребенка на руки, отправилась выяснять кому я тут понадобилась.

— Открывай, прислуга! Хозяин явился! — орала за дверью.

— Хозяева так себя не ведут! — выкрикнула, не подходя к двери и понимая, что такую хлипкую оградку можно одной левой выбить. — Что надо?

— Ах, ты... Гувернантка нищая... Я шас сам зайду! — пробасил бас, с другой стороны.

— А я голая!

— А мне все равно!

— А вашей жене - нет!

Кажется, я попала в яблочко и у данного индивида есть супруга. Нарушитель спокойствия внезапно перестал барабанить дверь и даже как-то притих, будто тень этой самой жены выросла за его спиной на словах "голая". За дверью появилось злобное шушуканье и перестановка, будто кто-то пытался втиснуться в тесное пространство мимо огромного мужика.

— Здравствуйте. — теперь женский голос вещал за маленькой оградкой. — Мы по поводу съема квартиры.

— Слушаю вас, — обозначила свое любопытство, покачивая ребенка на руках.

— Подходит ярмарка и мы будем сдавать квартиру за более высокую плату. Понимая, что у Василия Чернова, а тем более у его сына - Ивана Дурова, нет таких денег — мы пред-

лагаем переселиться в более подходящее место. — чувствуется, что эта женщина хитрая. Раз старательно разговаривает в культурном тоне.

— И куда это вы предлагаете съехать Судебному заседателю с годовалым ребенком? — я специально напомнила о положении съемщика.

— У нас есть комнатка в подсобке... — выдал мужчина, но тут же заткнулся. Видимо, ему приказали молчать.

— У нас есть несколько вариантов. Но так как грядет ярмарка, каждый вариант может улетучиться сию же секунду. Так что вам, госпожа Антонина Астахова, лучше обговорить переезд со своим работодателем.

— Хорошо. Я передам Василию Чернову - местному судебному заседателю, что вы хотите поднять квартплату на основании собственных пожеланий, не взирая на старые договоренности и права съемщика. — Так же вежливо ответила я и ощутила, как маленькие ручки мальчика начали тянуть меня за волосы.

— Вы, возможно, не так поняли... Антонина Павловна. — мое имя с отчеством дались даме тяжело, но я была рада узнать, как меня зовут в этом мире. — Город Ирбит славится своей ярмаркой...

Ирбит? Зацепилась за знакомое слово и едва сохранила равновесие.

Я была в Ирбите! Город музеев, город стоящий на торговых путях. Это город куда уехал Василий Чернов, когда Надежда Дурова оставила его одного с ребенком! Надежда Дурова - кавалерист-девица. Женщина, которая одела мундир и участвовала в сражениях за Родину. О ней писал Пушкин, а позже, она сама взялась за писательство.

Господи! 1803 год!

Впереди революции, перестройки, ссылка Сперанского, война с Наполеоном, декабристы! Первые поползновения к отмене крепостного права, закон о вольных землепашцах, реформы Александра 1 и Сперанского. Ссылка Сперанского из-за Карамзина.

И я... В самом центре мировой истории! На руках сидит сын той самой кавалерист-девицы. Рядом с Ирбитом будет ссылка Сперанского. Ирбит дал развитие многим торговым домам, которые пошли от крестьян.

— ... Поэтому, вам надо освободить комнаты... — повторила требовательная дама.

Наполненная пониманием происходящего и зная будущее, я едва смогла сдержать вскрик безумия. Мне показалось, что меня от переполняющих эмоций неверия, ликования и страха разорвет. Ощувив прилив энергии, смело распахнула дверь в коридор где увидела даму в летах с соломой вместо волос и сдержанно поджатые губы.

— Уверена, что барин заплатил за этот месяц, поэтому вы не в праве выселять нас во время оплаченного периода. — удерживая ребенка подошла к даме и тут же заметила огромную тень за ее спиной. — Еже ли вы воспользуетесь силой, то получите плохую славу и репутацию у суда и законников.

Женщина отпрянула, отдавив стоящему за спиной мужчине ноги. Она глядела на меня во все глаза, будто не узнавала. Кажется, Антонину здесь ни во что не ставили, и девушка не пыталась это изменить.

— Вас выселят! — громко отчеканил толстяк за спиной тощенькой женщины.

— А вас, оштрафуют, — мило улыбнулась толстому и обратилась к тощей: — Разговор окончен. Прошу, расходитесь. Вы отнимаете у меня время бесполезным разговором.

Я четко обозначила границы и нежелание более общаться со странной парочкой. Бибо и Бобо в дореволюционном исполнении немного прибалдели от услышанного. У одной глаза пытались из орбит в космос отправиться, у второго род в куриную жопку сжался.

— Ах да, — придерживая ребенка, мило улыбнулась неприятным утренним гостям. — Доброго утра.

— Ула-ула, — повторил мальчик, дернув меня за локон.

Непринужденно, со всем тактом и не пренебрегая культурой я закрыла дверь перед искажившимися лицами хозяев квартиры.

— Надо говорить: "Ура", мой сладкий, — тронула пухлую щечку мальчика и улыбнулась, когда он повторил мой жест и уткнулся маленькими ладошками мне в лицо.

Не знаю, что я смогу изменить в прошлом, но вернуть дочку в будущем хочу. Если надо будет, грудью встану перед восставшими или отдам жизнь за бесплатно. Вот только, мне пока никто не сказал, что именно надо делать.

— Гуль-гуль! — торжествовал Ванюша на моих руках.

— Сначала поедим, потом переоденемся, соберем папины вещи и пойдем к нему на работу. Надо ящик вернуть забывчивому папаше и познакомиться с внешним миром города. — разложила план действий по полочкам и радостно уткнулась в маленькое тельце.

Все же дети — это двигатель для угасающего сердечка. Моя дочка вытянула меня из депрессии во время тяжелого развода. Малышка с открытой улыбкой встречала меня и какое бы ужасное настроение у меня не было, она тянула руки для объятий. Доченька не отпускала меня пока я не успокоюсь. Именно она научила меня не бояться прикосновений и объятий. Она стала моим первооткрывателем глубинных чувств. Моя молчаливая, плохо говорящая и маленькая синичка научила меня любить безвозмездно и искренне. Ради нее можно и век переверотов пережить.

А этот мальчик... Иванушка... Так крепко держит мои волосы, что ни о какой смерти думать не посмеешь. Он тоже теплый, вертлявый и радостный. Он улыбается, когда я хочу плакать.

Добро пожаловать в первую книгу литмоба

Секрет княжны Романовской

Взрыв в лаборатории отправил меня в прошлое. Здесь я — чудом выжившая княжна, которая вот-вот выйдет замуж. Но прошлое это принадлежит иному миру, здесь властвует магия и колдовство. А у местного чернокнижника имеются серьезные планы на меня. Однако уж я-то знаю, как распорядиться новой жизнью!

<https://litnet.com/shrt/tgmN>

3. Привет из другого мира

Комната, о которой говорили хозяева, располагалась на цокольном этаже. Здесь был полумрак, а от стен шла сырость и затхлый запах. Плесень проросла сквозь стены, поэтому ее скрывали за тканевыми шторами, а травами замаскировали запах.

Но все же, здесь были условия лучше, чем при моем сожительстве с мужем... Бывшем мужем... Мужем из двадцать первого века.

Мне вспомнилась шестиметровая комнатенка, которая вмещала в себя кровать и тумбочку. Общий туалет всегда был грязным, заваленным и не работал. Соседи были алкашами, которые и днем и ночью вели дискуссию о политике и прочем. Для них все были плохими. И даже я - студентка медицинского института, которая пришла жить к парню. Нет, по началу они даже называли меня "лапатулей", пока я не ударила одного за распускание рук. Когда я пожаловалась будущему мужу на соседей, он сказал:

— Ну что ты хочешь от пьяных? Сама виновата. Мимо ходить надо.

— Да, наверное, — неуверенно пробормотала тогдашняя студентка.

Я не понимала, что мне не нравится, но четко сформулировать эту эмоцию не могла. Будущий муж был единственным мужчиной из моего окружения. Ни отца, ни брата для представления истинного мужского пола в примере у меня не было. Я долго убеждала себя, что киношный герой-любовник проснется в муже, но с каждым годом становилось хуже. Даже когда я отучилась и стала достойно зарабатывать, ничего не менялось: съезжать из затхлой комнатенки муж не хотел, выкупать часть у алкашей - денег нет, да и тратиться на разрушенную часть не охота. Он хотел все и сразу: хорошую квартиру в приличном районе, презентабельную машину, жену - модель. С момента, когда я начала зарабатывать он начал требовать у меня деньги за проживание, квартплату и... Разделил все расходы на двоих.

— Зачем мне платить за твои прокладки, если я ими не пользуюсь? — начинал он "разделять" траты. — А презервативы?

— Но это для нашего общего удобства. — пыталась найти компромисс.

— Для твоего! — резко одернул муж. — Твоего! Я не против ребенка.

— Если рожать, то не в этом бомжатнике! — впервые показала характер.

А через время я узнала о малышке.

— Делай аборт! — резко и категорично заявил супруг. — Я подумал о твоих словах и рожать без нормального жилья действительно нельзя. Делай аборт и давай копить на ипотеку.

После этих слов у меня выветрились все чувства к мужчине, которого я называла мужем. Сдерживая себя, ответила:

— Плати за половину операции.

— Ты сдурела? Это ведь тебя касается, а не меня. Твое здоровье - оплачивай сама!

— Это Наш ребенок. Если не заплатишь половину, то Наш малыш родиться, — четко дала понять, что придется потратиться.

А потом... Потом я собрала вещи, взяла деньги и ушла. Ушла и начала карабкаться с самых низов к нормальной жизни, желая дать дочери намного больше, чем имела я. У меня даже развод не был оформлен. А муж... Он так ни разу даже не попытался найти меня и дочь.

А я поняла одну истину: пока ты не будешь менять реальность - будущее не изменится.

И всегда, когда я хотела что-то лучшее для дочери, то думала: "Как я могу повлиять на реальность, чтобы получить это".

Поэтому смотрела на комнату с весьма непраздным интересом. Думала, как поменять реальность, чтобы не зависеть от хозяев комнаты и не дышать плесенью. Но с учетом того, что я здесь на птичьих правах, то нужно все начинать сначала и делать только для себя и ребенка.

Мальчишка напрыгался на музейном экспонате диване и начал активно пытаться слезть.

— Ваня, стой. Пол холодный, — подбежала к ребенку и подхватила его на руки. — Где же твоя мать?

В моих представлениях, услугами гувернантки пользовались влиятельные семейные особы. Гувернантку нанимала мать, ведь она выбирала чему няня обучит детей. А в моих условиях нет хозяйки. К тому же, я сомневаюсь в наличии денег у хозяина. Наверняка мне вообще не платят, а дают лишь кров и еду.

— Надо найти поесть, — посмотрела на заинтересованного мальчишку на руках. — Где-то здесь был чай.

— Па-а-па-а, — распевал малыш, пока я искала еду и всовывала крекеры в его маленькую ручку. — Гуль-уль, — ритмично дрыгал ребенок ножками, не позволяя надеть носочек. — Топ-топ, — кричал маленький, когда мы вышли в коридор.

— С тобой не соскучишься, — прижалась к малышу и вдохнула запах.

Нет, не мой ребенок. Он чистенький, но пахнет не так, как моя малышка. Мальчик спокойный, но я все же чувствую себя чужой. Присутствие ребенка, заглушает мою боль. Не зря говорят, что страдать можно только когда на тебе нет ответственности или ты ее не чувствуешь. На данный момент я понимала, что если не покормлю ребенка, то этого никто не сделает.

С ключом от квартиры проблем не было: он висел на простом гвоздике, вбитом прямо в стену возле двери. Идя по скрипучему, деревянному полу, думала, что этот скрип невозможно не услышать. Но никакой недовольный хмырь не выскочил мне навстречу. А я боялась, что встучусь с толстым хозяином квартиры.

Выйдя на улицу, я сразу оказалась по середине мощеной улицы с двухэтажными деревянными домиками. Строения шли в один ряд и кое где прерывались на проходы между домами.

— Гуль-гуль, — заелозил на руках ребенок.

Подхватив чемодан Василия, пошла в сторону нескольких парочек, которые медленно прогуливались по улице. Мне надо было узнать где здесь судебные заседатели сидят и как туда пройти. Еще меня интересовала мастерская перьев.

Девушка в пышном платье и шляпке даже не обратила на меня внимание, а мужчина в цилиндре лишь кинул мне в руку... Копейку.

Нет, не просто копейку, а "копёкь".

Сказав дежурное спасибо, отправилась догонять следующую разукрашенную гуляющую парочку. Но они смекнули, что за ними начали охоту и сбежали. Мужчина даже свою великую шляпу потерял. А третья парочка была настолько злой, что мужчина с тросточкой даже не позволил мне приблизиться.

— Пшла отсюда, тварь безродная! — крикнул он на меня и замахнулся тростью.

Его дама с безразличием смотрела на ребенка на моих руках и как я отскакиваю прочь от идиота.

— Смотрите, Марфа Петровна, челядь совсем распоясалась. Места своего не знает. — прохожий поправил свои рукава и белые перчаточки.

— Ви, мон шери, уважаемый Эдуард Кузьмич, говорят наш царь совсем их избаловал. — поддакнула "ледЯ".

— Указ о вольных хлебопашцах... Хм-м, какой позор. Куда катиться империя? Этак, челядь скоро нас поучать начнет, — важно изрек Кузьмич, скрываясь за поворотом улицы.

Пока я слушала занимательную беседу, меня едва не сбила стая ребятишек.

— Посторонись, дама с ребенком! — на разные голоса кричали они и гнали впереди себя деревянное колесо.

— Прогуливаете школу, лоботрясы? — шутливо спросила у мальчишек и девчонок.

— А школы нет. Сгорела, дама с ребенком! — ответил самый шустрый, удаляясь вниз по улице.

За предводителем тянулась длинная вереница из разновозрастных малышей. Все были одеты в серые ткани и выглядели, как попрошайки из фильмов.

— И куда местные власти смотрят? — спросила у Вани, но тот слюнявил палец с интересом уставившись на бегающую детвору.

Решив, что суд и полицейский участок найду сама, сделала несколько шагов вперед.

Бум!

Раздалось за спиной.

На месте, где я совсем недавно отчитывала местный правопорядок лежал крупный камень, который, явно, упал сверху.

Подняла голову вверх и заметила, как от ограждения балкона на втором этаже отбегает тень.

Тень? Опять?

Не понимаю за что? И что я еще в этом мире сделала?

Но размышлять о своих прегрешениях поздно, а поймать убийцу надо. Поэтому я бросилась к зданию, влетела в подъезд и стремглав забралась на второй этаж. Поразила не только себя спринтерским забегом, но и Ваню. Но на втором этаже никого не было, а коридор был пуст и тих.

— Стой! — вылетел с лестницы толстый мужичек с метелкой. — Куды побегла? А пропуск?

— Что? — удивляюсь вопросу мужичка. — Вы тут никого подозрительного не видели?

— Видал!

— Как хорошо! — обрадовалась и подбежала к мужчинке в грязном переднике. — А кого и где вы видели?

— Так тебя и видел! — огорошил меня местный смотритель за порядком. — Сторожевого не слушаешь! Не порядок. В чужой дом ворвалась - недоброе, значит, замыслила. Пошли к жандармам сведу! Архаровцев на вас таких мало. Бегут куда очи глядят. Им кричи не кричи, все равно что быка доить. А я ведь за порядком смотрю...

Приплыли. Меня саму в полицию ведут за нарушение порядка. Ну хоть вещи Чернову отнесу и про покушение расскажу. Может этот убийца вовсе не за мной охотиться, а за Иваном. У судебного заседателя явно врагов больше будет, чем у простой няни.

Знакомлю со следующей книгой литмоба

Анастасия. Последняя княжна

Твоя жизнь прервалась неожиданно и её жизнь оборвали, но она не хотела больше жить, а ты не готова была умирать. Она попросила шанс для той, кто будет готов принять её жизнь.

Условие простое – ты принимаешь её ответственность, а она добровольно отдаёт тебе память, магию и силу рода. Спасёшь её брата, будет жить твой.

Но что такое ответственность? И на что придётся пойти, чтобы выполнить обещание?

#попаданка в прошлое

#альтернативная Россия

#быт и прогрессорство

#магия и кланы

#Любовь и ХЭ.

<https://litnet.com/shrt/tOaQ>

4. Наглая дама с ребенком

— И как это понимать, Михалыч?

Дворник, а по совместительству сторож, консьерж и бравый защитник коридоров нахотился как воробышек, пока его отчитывал молодой жандарм. Дяденька Михалыч излучал весь свой патриотизм, но с человеком в форме не спорил. Куда ему в телогрейке и испачканном переднике тягаться с приоспощенным долгом, молодым законником?

Я в это время рассматривала темное дерево и потертый стол. Приемная была проходным местом. Тут сидели люди и ждали своей очереди к такому вот столу. А за столом, как я поняла, сидел тот, кто примет заявление, жалобу или донос. От этого человека зависело - пойдет дело дальше или так и останется на уровне прохода. Если дело было стоящим, то его записывали. Сам жандарм брал заточенное перо, устало макал его в чернила и начинал черкать по листу. Когда служивый заканчивал, то просил подпись, а потом тяжело вздыхал и говорил: "Хотя бы крестик поставьте, милейший".

— Она бежала, — вяло оправдывался мужчинка.

Обратила внимание на то, что творится у меня за столом. Тут безусый служивый с неохотой, вяло и отстраненно выслушивал исповедь сторожа.

— С дитем и сумкой не побегаешь, Михалыч, — качал головой бравый офицер.

— Ну как же, очень резво бежала, — косится на меня мужчинка, будто я прямо сейчас должна доказать быстроту своих ног.

— Прошу прощения, кажется, отважный..., — покосилась на дворника, —... Отважный сторож слишком ответственно подошел к какому-то заданию.

— Дамочка..., — жандарм отвлекся от усатого патриота и окинул меня скучающим взглядом, —... Дамочка с ребенком, прошу не лезть в разговор, когда вас не спрашивают. — Посмотрев на Михалыча, молодая морда дополнила. — Эти женщины иногда что-то скажут, но сами не понимают. А крестьянки и вовсе, необразованные, а рассуждать пытаются.

Сказал и сам же засмеялся. Сторож поддержал.

Олухи.

Тут, мимо приемной, чеканя шаг, пронесся мужчина с красивыми нашивками на погонах и с орденом на груди. За ним плелся... Василий Чернов! Как собачка на привязи он следовал за главным сего заведения и слушал.

— Чернов, как ты мог забыть важные документы? Ты работать ходишь или, как бабы, лясы точить?

Пронесся ураган по залу, а потом скрылся за одной из дверей.

А что это я сижу? Я ведь именно за этим искала полицейский участок. Тьфу ты, жандармский... Не суть. Важно, что сейчас мне пора бежать к Василию.

Перехватив ребенка покрепче и прихватив чемодан, побежала к двери, за которой слышался властный голос. Такой прыти от "дамы с ребенком" явно никто не ожидал. Я не только смогла пробежать по всей приемной, но и в кабинет начальства ворвалась на всем ходу, едва не сбив бедного Чернова.

— Что за беспорядок! — громыхнул главный своим командирским голосом.

В двери успела влететь пара "столиков", а за их спинами стоял "мой" офицер.

— Ула-ула, — обрадовался мальчик на моих руках и даже похлопал в ладоши.

Я тоже порадовалась, что меня никто не успел схватить.

— Извините, — громко сказала, привлекая к себе внимание. — Но такой бардак у вас творится, потому что ваши... — пихнула чемодан в руки Чернова и указала освободившейся рукой на толпу в дверях, вот только как их назвать не понимала, —... Ваши люди не хотят даже услышать женский голос. Если бы Этот! — ткнула в маячившего за спинами толпы "моего

следователя". — Не смеялся над тем, что я имею право говорить, то Такого бардака в Вашем отделении никто бы не устроил!

После высказанной речи, которая копилась во мне, перевела прямой взгляд на главу сего заведения и не отводя глаз, дополнила:

— Наведите у себя порядок! Это Ваша обязанность!

Повисла гробовая тишина. Такое ощущение, будто я для самой себя тут распинаясь.

— Закрыть дверь! — рявкнул главный мужик.

Толпа схлынула, и дверь аккуратно прикрылась. Чернов ухватил чемодан и меня под руку, намереваясь увести прочь.

— Нет, а вы останетесь. — прогудел бас. — Кто вы?

— Гувернантка, — не дал мне заговорить Чернов, запихав меня с ребенком к себе за спину.

— Па-па! — радостно возликовал Ваня и потянулся на руки к отцу, но тот почему-то отстранился.

— Антонина Павловна Астахова, — не давал мне заговорить хозяин. — Родом из провинции и культуры не знает.

Эх, опять придется все самой делать.

Развернула Чернова к себе лицом, отдала брыкающегося годовалого малыша в его надежные отцовские руки и заодно поправила пуговицы. Перед начальством стоять в непристойном виде нельзя.

— Я могу сама рассказать все, что у меня спросят, — мило сообщила Василию. — Главное, не затыкайте меня. — затужила горловину, но тут же застегнула последнюю пуговку и продолжила мило улыбаться.

— Я вижу, у вас крупная операция по городу идет, раз облаву на каждом шагу устраиваете, — обратилась к главному офицеру.

Мужчина явно не ожидал от простой "бабы" проницательности. Но, хочу отдать должное, мину сверхсерьезного руководителя удержал, даже бровью не повел.

— Прошу прощения, — решила вспомнить о культуре общения. — С кем имею честь говорить?

— Василий Михайлович Зязин, — чинно представился мужчина в годах и указал мне на дверь. — А теперь покиньте кабинет, я поговорю с вашим барином.

Да, пожалуйста. Больно уж хотелось выслушивать, как отчитывают еще кого-то кроме меня.

Вышла в ту дверь, на которую указали, и замерла... Холодильная комната! Комната, где вскрывают трупы умершие не своей смертью! И меня с ней разделяет всего пара метров пустого, темного коридора!

Как удачно я вышла не в приемную, а во внутреннюю часть отделения полиции!

А что удержит бывшего судмедэксперта перед открытой дверью с уже готовым к вскрытию трупом? Лично меня? Ничего!

Я ворвалась в пустое помещение и замерла. На столе лежало тело женщины. На вид ей от тридцати до тридцати пяти. Волосы светло-русого цвета свисали с постамента, а вокруг были грубые, музейные приспособления для вскрытия. Несколько весов и скляночек с реагентами.

Работа!

На гвоздике, грубо вбитом в стену, висела белая форма и клеенчатый фартук. Быстро надела на себя спец форму и подошла к свеженькому телу.

— Боже, храни ее душу, — по привычке прошептала перед тем, как притронуться к женщине. — С богом! — пожелала себе и подхватила щипцы для вскрытия грудной клетки.

Через некоторое время удовлетворённо встала у дальней стеночки, чтобы переварить собранную информацию.

В комнату вошел сухошавый мужчинка в подобном белом одеянии, как у меня. Только его лицо было неприкрыто, а я спряталась за маской, чтобы не чувствовать сильный запах формалина.

Мужчина сразу заметил мою фигуру в тени и довольно улыбнулся.

— Пришли все же? — едва не потер ручки патологоанатом. — Вижу, вы уже начали дело. — радостно сообщил патологоанатом. — Что скажете?

— Женщина. Около тридцати - тридцати пяти лет. Явно не бездомная. Ухоженные ногти и тело. В волосах не обнаружено паразитов. Смерть наступила около 8-10 часов назад в результате асфиксии.

— Асфиксии? Почему? — удивился мужчина и подошел к труп.

— Наличие в теле жидкой крови. Жидкое состояние крови обусловлено нарушением процессов свёртываемости вследствие дефицита кислорода. В крупных сосудах и в сердце находится темная жидкая кровь, перенасыщенная углекислым газом. Во внутренних органах наблюдается венозное полнокровие. Правая половина сердца переполнена кровью, что связано с затрудненным оттоком крови из малого круга кровообращения, а также продолжающейся работой сердца при первичной остановке дыхания. — выпалила заученные истины. — Смерть от удушья мягким предметом, приложенным к лицу.

— Нет следов сопротивления, — недовольно произнес патологоанатом.

— Она была под наркотическим действием. — указала на явные признаки приема запрещенных средств. — Препарат долго принимался назально.

— Думаете? — мужчина подошел к скляночкам и достал оттуда пару стопок и мензурку с темно-бордовой жидкостью. — Давайте обсудим этот элемент более подробно. — подозвал меня мужчина. — Петр Федорович Молодин, хоть уже совсем не молод. — усмехнулся патологоанатом своей шутке.

Подошла к мужчине поближе, сняла маску и чепец, который скрывал волосы, повесила клиентку на ржавый гвоздь и, гордо выпрямив спину, посмотрела в глаза шокированному человеку.

— Астахова Антонина Петровна.

— Вы..., — многозначительно выдал Петр Федорович, все еще удерживая наполненные стопки и указывая на мою женскую фигуру.

— Как вы заметили, девушка, — кивнула, ощущая недоверие от мужчины. Накрыла тело и собралась уходить. — По вашему взгляду поняла, что мне лучше уйти поскорее, пока вы не начнете ругаться. Женщина ведь глупое существо и говорит странные вещи, непонятные мужской логике.

— Постойте, — внезапно остановил приказной тон. — Я же попросил о разговоре. Разговор с умной дамой всяко лучше безмолвной, гнетущей тишины.

Впервые я ощутила исходящее тепло от человека этого мира. Подошла ближе и взглянула на стопки.

— Но, — мужчина отставил стаканы в сторону, — ... начнем с чая наше знакомство.

Когда в комнату заглянул Зязин мы с Петром Федоровичем шутливо чокались чайными чашечками и мило обсуждали профессиональную деятельность.

Увидев начальство, сорокалетний мужчина отсалютовал чашечкой и изящно оттопырил мизинчик. Я повторила его жест и шутливо чокнулась.

— Чок-чок, — весело, в один голос ответили угрюмому человеку.

— Гувернантка?! Что вы тут делаете? Петр Федорович, вы кого запустили? Совсем, что ли, спились? — переводя взгляд на меня, Зязин приказал: — Идите, ребенка заберите! Мешаетесь тут всем. Женщина в отделении к беде.

Эх, закончилась моя сказка.

Третья книга литмоба
Канарейка Великого князя

Я бежала от преследователя, а попала в прошлое. На дворе теперь 1825 год. Тёмный колдун провёл древний ритуал, и я оказалась в его власти. Только он может вернуть меня домой. Мне придётся выполнить его задание: заменить юную графиню Алединскую, стать фрейлиной Великой княгини и очаровать её мужа. Вот только для чего, мой хозяин пока молчит. Но я узнаю всё о его тёмных делах и попрошу покровительства у самого Великого князя.

В книге вас ждут:

♥# отважная попаданка с дворянскими генами

♥# исторические личности

♥# дворцовый шик интриги

♥#страсть и любовь

♥# альтернативная история России
<https://litnet.com/shrt/tncZ>

5. Убирайтесь, нищebroды!

Меня выпроводили вон из участка. Выдали спокойного Ивана на руки и указали на выход.

Служащий в приёмном недобро покосился на меня, а немного зашуганный дворник нашёлся на выходе из участка. Он теребил в пухлых ручках картуз и выискивал кого-то взглядом. Завидев меня, он кинулся ко мне навстречу.

— Дама с ребенком, вы хоть скажите, что видели, как некто подозрительный выбегал из здания!

Оглядела мужинку и тяжело вздохнула.

— Меня не слушают, заразы, — выругалась, забыв о ребенке и том, что я "ледЯ". — К тому же я не видела бегущего, но кто-то пытался меня убить. Камень скинули, представляете?

Перехватила поудобнее мальчишку, который очень внимательно слушал взрослых.

— Я же говорю "подозрительный". — воодушевился мужинка. — Пойдёмте к Кузьмину. Пусть послушает и вас заодно.

— Пойдёмте. — Решила добиться справедливости и выяснить, кто меня хочет убить. — Возьмете мальчика, милый господин? А то у меня руки устали.

Михалыч не был против. Он даже бровью не повел, когда принял ребенка. А я ощутила облегчение и благодарность к дворнику. Сам мужинка преисполнился оказанным доверием и нес Ивана, как знамя победы над Вселенной. Не меньше.

— Михалыч, опять ты?! — тяжело выдохнул возмущенный сотрудник приемного отделения.

Мужинка в телогрейке подбежал к столику, за которым Кузьмин уже принимал следующего посетителя. Наклонившись, он что-то шепнул, но лицо чиновника исказилось гримасой обреченности.

— Михалыч, ты опять? — возмутился мужчина в форме. — Какой очевидец?

— Свидетель, — важно закивал головой дворник.

— Какой свидетель? — взгляд раздраженного чиновника впился в мою непрезентабельную фигурку в сером, колючем платье. — Гувернантка? Нянька?

Так, мне уже надоело выслушивать от каждого пенька о том, что я не имею право голоса.

— Молодой человек! — выступила вперед, повышая голос. — На меня было совершено покушение, и если завтра мой хладный труп будет лежать в морге, то вас отстранят от должности в связи с пренебрежительным отношением и халатностью к должностным обязанностям! — Поняв, что шокированный мужчина не то что говорить разучился, но и проглотил язык, решила его добить. — Надеюсь, вы понимаете, о чем говорит женщина. Все же, не на другой планете родились, и свод законов у нас один.

На последнем предложении в приемной появился Зязин и взъерошенный Чернов. Пара мужчин выглядели весьма недовольно.

— Опять вы, Астахова? — кажется, Василий Петрович уже не удивляется. — Кузьмин, возьми у нее заявление. Я лично подпишу все, что она скажет, и прослежу за моргом. Боюсь, что с таким характером ее прям здесь убьют. — внезапно усмехнулся глава отделения и весело что-то тихо сообщил Чернову. —... Даже ребенок не помеха этой дамочке. — услышала часть его разговора.

Недовольный, но исполнительный Кузьмин принялся заполнять документ со слов дворника и гувернантки. Видно было, что молодой служащий очень сильно хотел отослать неугодных заявителей куда подальше, но приказ начальства не решался обсуждать.

Мне было все равно на недовольное сопение жандарма. Зато я прочитала, что полицейский отдел называется "Управа благополучия при городской, полицейской администрации".

Значит, уже полиция. А то я до сих пор не знала, как их называть.

— Подписывайтесь, — толкнул бумажку в нашу сторону. — Можно крестиком. — Великодушно разрешил "Кузьмин С. К.", который утверждал, что принял наше заявление.

Я прочитала написанное и поняла, что от твердых знаков еще не избавились и всяких благозвучных оборотов полным-полно: на половину исписанной страницы наберется.

Дворник неуверенно взял перо в руки и дрожащей рукой нацарапал крестик там, где ткнули. А я витиевато и относительно красиво вывела свою новую фамилию. "Кузьмин С. К." хмыкнул что-то равнодушно.

— Ваша заявка принята, — спокойно отозвался чиновник и махнул рукой, чтобы мы с дворником убирались восвояси.

Убираться мне было рано. У меня от хозяина задание - подточить перья. Но я не знаю, куда идти, поэтому уговорила Михалыча проводить до места назначения. Дворник был потрясен, как я разговаривала с местными чиновниками, поэтому не желал нарываться.

— Любезный, а металлических ручек у вас нет? — мирно вела беседу на интересующую меня тему.

Мне не понравилось расписываться пером. Все руки в чернилах. К тому же платочек мне никто не предлагал.

Джентльмены, называется.

— Знаю, перья точат и все, — пожимал дворник плечами, бодро шагая с ребенком на руках.

Я вообще поражаюсь спокойствию Ивана. Он будто не против покататься на руках у незнакомых людей. При этом он не плачет, не капризничает и не мешает разговаривать. У меня на руках он трогает волосы, а на дворнике его привлекла борода. Иногда курлыкает что-то на своем, но вовсе не обращает внимания на крики.

Место, где точат перья, выглядело как дореволюционный канцелярский ларек. Комнатка на первом этаже с большим оконным проемом. Рядом стояла доска объявлений с разными статьями, и там же красовалась надпись: "Очинь пера".

— Тут надо фамилию хозяина перьев сказать. — постучал дворник в окошко.

Я поставила Ивана на ноги. Мальчик покачнулся, но успел ухватиться за мои ноги.

В мутное окно выглянул тощий старичок в ма-а-а-аленьких очочках. Подслеповато шурясь, как крот, он буквально прилип к стеклу.

— Дама-а-а, — протянул починщик перьев. —... С ребенком, — важно добавил он, заметив любопытную моську Ивана. — Модных листовок - нет и ни-икогда не было, — пробубнил мастер и опять скрылся за мутным стеклом.

— Я перья чинить пришла. Чернов Василий послал. Младший судебный заседатель. — настойчиво постучала по окошку.

— Черно-ов? — выглянул заспанный "крот" потревоженный неприятными гостями. — Чернов? Помню-помню, — гораздо быстрее забубнило лицо. — И тебя припоминаю. Приходила. Приходила, а я говорил... Что в долг больше ничего не буду делать этому заседателю! Он и так мне должен пять копеек! — громко и сипляво объявил мастер. — Пшла отсюда! Так и передай своему хозяину, что нищих не оправдывает чин!

Немного офигев от высказываний мужичка, решила не идти на поводу у эмоций. Мне, конечно, очень хотелось выбить ему стекло и сказать много ласковых, но я порядочная "Дама-а ... С ребенком".

— А больше мастеров нет? — быстро сориентировалась.

— Так... Нет, — пожал плечами дворник. — У нас всякий мастер в одном виде есть. Это домов полно и разнорабочих - к ярмарке все готовятся.

— Совсем никто перьями не занимается? — удивилась.

Неужели в начале девятнадцатого века "очинкой" занимаются лишь избранные?

— Ну-с, — неуверенно начал говорить сторож, — ... Я могу, коли не побрезгуете.

— Какой вы молодец! — обрадованно посмотрела на мужчинку.

— И возьму недорого, — добавил хитрый смотритель улиц.

— Михалыч, ах ты хитрый лис, — усмехнулась, примечая его деловую жилку. — Сколько?

— Три копейки!

— Ох, загнул, дорогой, — покачала головой. — Мы с тобой почти семьей стали, а ты деньги берешь. — напоказ надула губки и построила просящие глазки. — Одна.

— У меня есть семья, и ты к ней не имеешь отношения, дама с ребенком. — настойчиво произнес дворник, доставая из полы телогрейки огромный нож. — Но за одну копейку я готов стать твоим знакомым, — улыбнулся.

Подхватив Ивана на руки, предложила отойти с улицы для "заключения договора".

Михалыч присел на завалинку и своими огромными руками и тесаком стал споро справляться с заточкой перьев. А я смогла поиграть с Иваном.

На улице были еще дети, но они к малышам не подходили. А я вспомнила игры для самых маленьких. Конечно, я не удержалась и собрала детвору вокруг себя с помощью:

— Поиграем в "каравай", — подошла к самым маленьким, за которыми никто не присматривал.

Дети взглянули на меня, а потом на маленького Ивана, который мудро выдал:

— Ага!

— Да! — радостно повторила пара малышей.

Построив небольшой хоровод, я запела:

— Как на мамин именинный испекли мы каравай..., — медленно шли по кругу. — Вот такой вышины, — детишки встали на носочки, показывая всю свою растяжку. — Вот Такой низины. — Присела с детишками на корточки и пошла за ними гуськом. — Каравай, каравай, кого хочешь - выбирай, — захлопала в ладоши. — Побежали, побежали! Кого догоню, тот мой маленький, вкусненький и сладенький каравай!

Неспешно стала догонять разбегающихся детишек, и как-то незаметно к моим малюткам присоединилась семилетние и старше детишки. А вскоре, они обходились без меня. Даже самые маленькие играли в догонялки, и неизвестно кто, кого ловил. Они просто подбегали, обнимались, громко смеялись и разбегались в разные стороны.

— Еще, еще, — требовал дворовой народец.

— Руку правую вперед, а потом ее назад. А потом опять вперед и немножко потрясем. Мы танцуем буги-вуги, поворачиваем круги и в ладоши хлопаем вот так. Буги-вуги окей! Буги-вуги окей! Буги-вуги окей! Буги-вуги окей! — Показывала движения.

Смеясь и веселясь, я почти забыла про перья, пока малыш не попросил пить.

Иван тянул ручки, чтобы я дала воды.

— Пи-ить, — вторила ему разгулявшаяся детвора.

Пришлось идти, стучаться в первую квартиру, где откроют и дадут напиться.

Открыла бабуля и попросила принести ей воды из колонки, чтобы она всех напоила. Так получилось, что я вместе с ведром и ковшиком поила всю детвору. Познакомилась с местным заводилой Сашей и его лучшим другом — Антошкой. С некоторыми девочками и со всеми малышами.

А к обеду я вернулась к дому.

На пороге стоял один сундук и пара баулов. Огромный, свиноподобный мужик насмешливо ухмылялся, смотря, как я бреду по улице.

Я сразу почуяла неладное. Михалыч, который вызвался меня проводить, получив свою копейку. (Не зря мне сегодня богатеи подал денежку). Напряженно замер.

Боров потерял руки, а потом пнул один из баулов в мою сторону.

— Убирайтесь, нищebroды!

Котомка прокатилась по грязной улице и замерла у моих ног.

За огромной мужской спиной появилась утренняя тетка, которая говорила о выселении.

Она важно прошла к сундуку и поставила на него таз с кувшином.

— И это забирайте! — самодовольно крикнула хозяйка.

Что?

6. У меня и жених имеется!

Меня еще никогда не выставляли из дома с таким размахом, поэтому я даже не смогла понять, что чувствую. Иван на моих руках спал, а Михалыч с сочувствием посматривал на кульки под моими ногами.

— Вы не даете мне время, чтобы найти замену и перевезти вещи, — выпалила на автопилоте. — По договору...

— Договору, договору..., — передразнил меня толстяк. — Надоела! Нам совсем не платят!

Женщина, вздернув носик, прошла мимо вещей, отталкивая их прочь своей упитанной ножкой.

— И куда мне идти? — удивленно спросила у дамы. — С ребенком.

— Куда хочешь, туда и иди. Скоро хуже крепостных станешь с таким хозяином! — выкрикнул толстяк и громко хлопнул входной дверью.

Стоп! Такого не бывает!

Меня выкинули не из моего дома и даже не в моем мире! У меня не то что планов в этой реальности нет, я даже не знаю, что находится в этом городе.

— Вы издеваетесь? — кинулась к закрытой двери. — У нас с Василием еще есть время! — стукнула кулаком. — Следуйте договору потребителей! — начала пинать преграду. — Откройте, а иначе к вам весь участок придет!

Я била по двери с отчаянием, совсем не понимая, что происходит и как из этой ситуации выходить. Я не верила, что люди могут выставить на улицу, в холод, вместе с несколькими котомками.

— Вы что себе позволяете?! — выглянула хозяйка со второго этажа. — Как вы себя ведете?!

— Откройте! — продолжаю биться в запертую дверь, придерживая непонимающего мальчика.

Внезапно, сверху на меня вылилась холодная вода. Мужской, противный голос противно произнес:

— Приди в себя, блажная!

И тут... Меня накрыли воспоминания...

... Мокрая. В холодном поту с трясущимися руками стою около дверей морга. Сколько прошло? Минута? День? Не могу двинуться, потому что...

Сколько раз сюда заходила. Смело, без колебаний, не теряя решимости. Забегала, переодевалась и неслась к столу с "клиентом". Черствеешь, когда видишь каждый день.

Сколько раз мои руки перебирали инструменты, пользовались весами и собирали материал для анализа...

Но теперь всё иначе, будто впервые. Будто не было десяти лет работы.

Сглатываю подступивший к горлу ком. Боже! Как бешено колотится сердце, мечтая разбиться о рёбра. Делаю шаг, но тут же чувствую невидимые когти, раздирающие внутренности. Я не могу, нет, я не готова. Я столько раз переступала порог, но не теперь.

Меня трясет и обливает потом. Там, за дверями, в холодном помещении лежит часть моей жизни. Та, что должна была быть всегда рядом. Дети не должны умирать. Это неправильно. Это неправильно, слышите?!!

Уже забыла, когда плакала в последний раз. И вот теперь позволяю себе. Потому что не чёрствая, я живая. Я - ЖИВАЯ. А она нет...

Господи, дай мне сил.

Что чувствует тот богатеи, что забрал чужие жизни? Что забрал ту, которой нет цены? Мою дочь.

Я не знаю, да и надо ли.

Лизочку можно сейчас распознать лишь по фиолетовой лапке любимой игрушки, крепко зажатой в маленькой ручке. Оставшаяся часть пони с крыльями у меня в руках. Я ее сжимаю так, будто хочу убить, истерзать, задушить! Прижимаю к груди, на месте которой огромная чёрная дыра. И хочется родного тепла.

... Трясет...

Не могу сделать ни одного шага. Смотрю, как идиотка на белые двери и... По стеночке сползаю на пол. Мне плохо. Не могу. Не верю...

Она живая! Иначе не может быть. Не здесь, в холодной комнате, где я не смогу её отогреть, а где-то Там! Неизвестно где, но она Живая!

Пожалуйста... Не хочу верить... Боже, умоляю, забери мою жизнь и верни мне мою девочку.

Умоляю!

... Плач ребенка.

Настойчивый, пронизывающий все пространство крик малыша выводит меня из нахлынувших шоковых воспоминаний.

... Плач Новорожденного ребенка.

Я смотрю, как женщина рождает малыша... Малышку. Акушерка берет ребенка на руки, обтирает и выносит из комнаты. Младенца отдают отцу. Молодой мужчина нервно, с благоговением и теплотой тянется к маленькому человечку.

И именно в этот момент, я едва не кричу от пронизывающей меня боли. Нечто материнское, раздирающее, предчувствующее готово кинуться вперед и забрать малышку у новоиспеченного отца.

— Моя! Моя доченька! Это моя Лизочка! Моя Елизавета! — кричу сквозь боль, горе, стараясь преодолеть некую пелену, отделяющую меня от малышки.

Это не просто предчувствие или догадка. Я уверена в своей правоте!

На маленькой ручке, которую дергает плачущая малышка, видно родимое пятнышко, похожее на пегаса.

Любимая игрушка моей девочки - фиолетовый пони с крыльями из мультика! Это не может быть простым совпадением!

На маленькой ручке пятнышко, и сердце трепещет в надежде и предвкушении.

Моя девочка родилась в этом мире! В девятнадцатом веке!

В комнате, где расположился мужчина, стоит мебель в стиле ампир. Огромный портрет смутно знакомой исторической личности висит за его спиной. Все говорит о том, что скоро я увижу свою плачущую доченьку.

— Лизонька, — тихонечко шепчу, пытаюсь успокоить малышку.

И тут... Девочка затихает. Ее мутные глазки концентрируются на мне и маленькие губки... Улыбаются.

Узнала! Она меня узнала!

Боль...

Меня внезапно выдергивает из видения чья-то хлесткая пощечина.

Сажу на земле, пытаюсь разглядеть, кто меня ударил, а под попой холодная земля. Ткань платья мокрая и колется. Ветер пронизывает до костей. Глупо осматриваюсь вокруг и вижу

испуганного дворника. На руках он держит плачущего Ванечку, а в его глазах отражается вся степень паники, на которую он только способен.

— Дамочка, ты сначала смеялась, потом зарыдала, потом кричала... Ты душевнобольная? — с ужасом воззрился бородатый мужчинка на меня.

Оценила обстановку: мокрая, выставленная за дверь гувернантка не знает, куда ей идти с ребенком. Но при этом судмедэксперт, который потерял Все, готов к труду, обороне, действиям и сражению.

Моя дочь в этом огромном мире! И я сделаю так, что об Астаховой заговорят! А главное - чтобы ко мне желали привести своих детей Все родители. Мне надо сделать себе Имя, а для этого... Пора взять себя в руки.

— Ребенок, весь мокрый, — подошла к плачущему от страха и холода Ивану. — Прости меня, мой сладкий. Няня испугала тебя? Прости, прости, мой медвежонок. Прости, Ванечка, — принялась целовать красный носик и стирать слезки с милых щечек. — Сейчас Тоня сделает хорошо. Пусть будут прокляты нелюди, которые выставляют детей на улицу. Чтoб их деревянная богадельня сторе́ла, — тихо прошипела, развязывая узелок и ища чистые, теплые вещи ребенку.

Михалыч оглядел двор, в котором находились зеваки и тяжело вздохнул.

— Завтра весь город об этом говорить будет, — качал он головой, пока быстро меняла одежду на малыше.

— Хорошо. Подпортим репутацию этим арендодателям, — не обращала внимания на сочувствующий голос дедушки.

— Завтра бум выселений пойдет, — покачал он головой, заметив, что не придаю никакого значения ни ситуации, ни собственной реакции. — Скоро богатеи приедут... Ярмарочный люд. Все хозяева деньги зарабатывать будут. Меня вот тоже попросили не занимать всю сто-рожку, а отселили в старый чулан, в дальний угол.

— Совсем долгосрочников не ценят, — пробубнила себе под нос и радостно обратилась к Ивану: — Ну что, обрадуем папку новостью или сами справимся?

Конечно, хорошо бы предупредить хозяина о том, что я собираюсь что-то делать. Возможно, надо было идти с баулами к участку, но представив самодовольную моську Кузьмина, передумала. Много чести для него, видеть мое бессилие. Да и начальник Зязин уже готовится танцевать на моих костях.

Остается один вариант...

— Раз такое безобразие творится каждый год, то должно быть место для выселенцев. — вновь обратилась к дворнику.

— Старая церковь. Она когда-то горела, но там подвал... Кельи сохранились. Холодно, тесно, но пару месяцев перекантоваться можно. — Помялся мужчинка. — Правда, девушке там лучше не находиться одной. Хозяина дождись, лапушка, — обеспокоенно добавил Михалыч, чем вызвал у меня умильную улыбку.

— А я не одна, у меня есть милый друг, а потом Чернов придет.

Своими словами я вызвала неуверенную улыбку на лице доброго дворника.

— Каким Крепостной может быть другом? — покачал головой мужчина. — Мне что прикажут, то я и делаю.

— Но сейчас, вы, милый друг, без просьб и приказов не оставляете меня. Поверьте, это показывает ваше истинное отношение. — тронула плечо телогрейки и благодарно улыбнулась.

— Так... Я это... — замялся мужчина и тут же отвел взгляд. Взял в руки свой козырек и начал мять, показывая мне эмоции без слов. — Хозяин говорит, что я наивный, старый дурак. — внезапно усмехнулся Михалыч говоря вроде в шутку, но прикрываясь обидной правдой.

— Где там ваша церковь для обездоленных? — подняла вещи и поцеловала пухлую щечку Ивана.

На смотрящие со всех окон и щелей глаза не обращала внимания. Пусть весь город обсуждает, что хочет и как хочет, а я припомню это бесчеловечным хозяевам. Но на меня внезапно налетел некто и принялся обнимать приговаривая:

— Тонечка! Что же ты, голубка моя, мне ничего не сказала? — не отпускал меня из рук некто в потертом пиджаке, с небольшой растительностью на лице. — Я думал, ты меня найдешь сразу после своей болезни.

Так. Стоп.

— Болезни? — переспросила незнакомца, отстраняясь, потому что не только мне не понравились лобызания, но и ребенок капризно завозился.

— Да. Не помнишь, что ли? Неделю назад начала рвать, а потом слегла. Я думал, твой хозяин даже травницу не вызовет, а ты вот... Выкарабкалась. Не померла, — радостно улыбнулся незнакомец и вновь хотел меня обнять.

— А ты кем будешь, извозчик, — внезапно вмешался Михалыч.

— Так, я этот... Жених Тонькин, — радостно, довольно. — Прохором звать.

— Постой, постой..., — вернула к себе внимание. — Я внезапно очень тяжело заболела?

— Ну да. Мы с тобой миловались, а потом ты рвать начала, забила как птица в клетке и потеряла сознание. Я тебя хозяину снес, чтобы докторуса вызвал. Видать, помогли. Я так рад, милая моя голубка. — мужик вновь кинулся обниматься, а я застыла, пораженная догадкой.

Внезапная болезнь вовсе не похожа на болезнь. Отравление!

Антонину Астахову кто-то пытается убить!

Еще одна книга лит.моба увидела свет. Знакомьтесь:

Молодую, вздорную княжну Варвару Разумовскую убил родной брат из-за подслушанного ночью разговора. Я очнулась в ее теле в 1866 году.

Мне по-прежнему угрожает опасность: старший брат сговорился с англичанами и замышляет что-то недоброе. Заговор? Второе убийство?

В этом мне предстоит разобраться одной, ведь моим словам никто не верит; жених-князь меня презирает, а я его не могу терпеть.

Но ничего! Я не изнеженная барышня из 19-го века, я справлюсь со всем сама.

Или нет?..

И так уж ли сильно меня презирает жених?..

В истории вас ждут:

♥# смелая попаданка;

♥# князь, которого вы возненавидите;

♥# шик и роскошь Москвы XIX века;

♥# балы, корсеты и кринолины;

♥# заговоры и тайные общества;

♥# альтернативная история России.

<https://litnet.com/shrt/tVqL>

Визуалы

Убирайтесь, нищелюды!

Михалыч - дворник, доблестный защитник улицы

Жених Антонины - извозчик.

Правда, он какой-то лоценький и слишком красив для извозчика?

Может, я придираюсь?

7. Тайны Антонины

Я, конечно, благодарна за новость о том, почему внезапно переместилась во времени и стала гувернанткой.

Наверное, девушка в то утро, наконец, отдала Богу душу, а тут я... Со своим обещанием спасти каких-то детей.

Интересно узнать, каких именно?

— Тонечка, что ж ты молчала о выздоровление?

Это меня спросил человек, который испугался полутруп любимой и отнес ее хозяину.

Хотя... Горжусь Антониной. Мужик хорошо сложен, приятен налицо и опрятно выглядит. Я таким не доверяю и, вообще, после замужества еще ни к одному мужчине не ощущала привязанности. Для меня часть зовущаяся "личной жизнью" пропала еще в двадцать первом веке, где мужики учатся интересно знакомиться и знают, что такое клитор. Про девятнадцатый век, а тем более его начало, вовсе нечего говорить. Не знаю, что должен сделать мужчина, чтобы привлечь меня как партнер, а тем более супруг.

Да, можно сказать, у меня осталась обида на мужской пол, и я охладела, как женщина.

— Занята была, — отодвинулась от любителя телесного сближения.

— Я вижу, ты чем-то расстроена? — удивился извозчик и... Брезгливо стер с себя влагу. Я ведь до сих пор в мокрой одежде, а он всю меня потрогал.

— Ты не видишь? Барышне не до тебя. — Михалыч - мой верный товарищ. Спаситель!

Но с другой стороны: с паршивой овцы хоть шерсти клок...

— Мне нужна твоя помощь, — с улыбкой обратилась к оживившемуся парню. — Возьми мои вещи и отвези в старую церковь.

Холеный извозчик огляделся и как-то не слишком рьяно поднял одну из моих котомок.

— Как пожелает барышня, — наигранно и слащаво произнес актер.

У меня ощущение, что я попала в плохое кино.

Актера на мыло!

Михалыч без просьбы взял Ивана с моих рук и пошел вперед. А мне достался чемодан. Сомневаюсь, что это все вещи трех человек, но чувствую, что сама ничего не смогу добиться у бесчеловечных хозяев.

Кибитка была совсем недалеко, поэтому резвый "водитель" уже ждал меня с поклажей. Несмотря на то, что свою ношу уже пристроил, жених не спешил мне помогать. Замер, потирая руки и поправляя свой почти новый пиджак и картуз.

Кое-как доволокла тяжелый чемодан и почти упала на сидение.

— Я это... — Замялся Михалыч. — Не поеду. Мне потом идти далеко.

— Большое спасибо, милый господин, — приняла Ивана с его рук. — Милый друг, не могли бы вы предупредить барина Чернова о переселении?

— Да, конечно, — разулыбался дворник. — Специально пойду и покараулю.

Не знаю почему, но грязный передник смелого защитника улиц нравится мне куда больше чистого пиджака жениха. Конечно, я уже поняла, что мне не светит разделить любовь Антонины. Мне в принципе смотреть на мужчин в таком ключе не хочется, но как это объяснить извозчику?

— Ты опять не слушаешь хозяина? — внезапно произнес Прохор, когда кибитка медленно двинулась по пустынной улице.

— Очень интересное начало беседы, — пододвинула к себе любопытного Ивана, который норовил выскочить за борт.

— Тоня, тебе ведь сказали, чтобы ты искала, а не участвовала в расследовании.

Так, стоп. Мне кажется, я что-то упускаю!

— Мне сказали всего раз и то, я все забыла, — решила подыграть своему "жениху".

— Ты думаешь, что сможешь уйти? — покачал он головой. — Опять станешь актрисой сельской сцены? У тебя только и есть "благородное лицо". Не забывай, кому ты служишь.

Вот бы узнать, кому служу. И вообще, о чем мы говорим. Я только догадываться могу, куда вляпалась Астахова и почему ее пытаются убить и "вернуть".

— Прости, брат Прохор, — продолжила делать вид покладистой и послушной девочки на побегушках. — Запомняла. Хотела пожить как все люди.

Злоба Прохора превратилась в простое недовольство. Он теперь ехал и тихо бубнил, так чтобы я слышала.

— Говорил, что с бабой легче не станет. Никто меня не послушал. Нужна, мол, чтобы глазки строила. А кому она нужна в виде гувернантки? Два месяца осталось. А она хвост где-то успела подцепить. Теперь еще в управе о ней все знают. — Тут он повернулся ко мне и выдал: — Сказано, ведь было, не привлекать внимания! На ярмарке дело сделать и по домам!

На ярмарке? Я? И что Антонина должна была сотворить?

— До ярмарки еще дожить надо. — ответила мужчине в тон. — Меня на улицу выгнали. Ребенка повесили. Еще Чернов - судебный заседатель. Как, и что я могу сделать, если мне руки обрывают со всех сторон?

Кибитка внезапно остановилась. Прохор придирчиво оглядел меня. Замер на улюлюкающем мальчике, а потом посмотрел на мои вещи.

— Я, надеюсь, Это у тебя с собой? — с лица мужчины слетела маска влюбленного дурачка. На меня смотрел нервный, испуганный мальчишка, который ощутил, как за ним гонится стая голодных волков.

Что за "Это" не знаю. Не имею представления, но внезапно ощутила холод. Пробирающий до костей морозец не был связан с погодой. Было ощущение, что "Это" позволит мне жить. Если я не признаюсь, то мое тело найдут мертвым за городом.

— Со мной, — нервно сглотнула слюну.

Когда ледяные пальцы смерти отпустили мою шею, то решила добавить.

— Правда, я там наследила... — не знаю почему, но мне хотелось увидеть реакцию Прохора на эти слова.

— Понял, — ответил мужчина. — Как всегда. — недовольно буркнул, отвернувшись и потеряв ко мне интерес.

Пока мы ехали, я всю думала, почему мне не выдали справочника о жизни Антонины? Тот же самый голос, который просил спасти детей, мог бы сказать:

"Так, мол, и так, тело тебе дается проблемное. Девку травят, убивают, она связана с какими-то тайнами и при этом работает гувернанткой. Ты тоже сиди тихо и не высывайся, а то "жених" убьет тебя и глазом не моргнет. Ребенка береги. Детей спаси.

С наилучшими пожеланиями и надеждами твой - Ангел-Хранитель".

Теперь мне ничего не понятно, но ужасно интересно.

— А что делать с Черновым? — решила выяснить все по максимуму.

Раз уж я ничего не знаю о прошлом Антонины, то надо хотя бы будущее наметить. Все-таки мне в этом теле "актриски" дальше жить. Мне надо дочку искать, а не играть в тайные заговоры уездного городка.

— Ими уже занимаются. Не твое дело. — Обрубил извозчик, дав понять, что разговор окончен.

Понятно, что ничего не понятно. Мне пора биографию тела записывать, а то запутаюсь или забуду все. А писать перьями я могу криво и косо. Перья точить надо, а это денег стоит. Плюс, письмо здесь изобилует расшаркиваниями и обольстительными поворотами.

Эх, не любитель я великого классического искусства.

Не благозвучны мои мысли и слова, что льются из уст.

Не мягка моя поступь и не тонок мой стан.

Разузнать бы извозчика странного план

И не стать бы мне телом, что помнет придорожный куст.

— Уля? — взглянул на меня Иван.

— Накатила грусть, тоска и свела меня с ума, — тихо зашушукала малышу на ушко, и тот засмеялся.

Нет, я обязана остаться живой и найти дочь. Пусть Прохор думает, что хочет, но...

— Меня за это посадят или сразу расстреляют? — неожиданно задала животрепещущий вопрос.

Резко затормозила кибитка и Прохор, с глазами по пять рублей, уставился на меня. Он смотрел мне в лицо, будто впервые увидел.

— С тобой все будет в порядке.

Если Прохор говорит, старательно изгибая губы в улыбочке, то мне - конец.

8. Школа жизни

Мой "жених" привез меня к обломкам здания, которое находилось на отшибе города. Здесь не было двухэтажных многоквартирных домиков, и дорога изобиловала грязью и лужами. Вдалеке виднелась деревня с маленькими серыми домами и дымящими трубами печей. Несмотря на неблагоприятные условия, возле разбитого пожаром здания сидели люди. В основном это были мужчины и подростки. Из женщин я увидела лишь старенькую приземистую старушку, которая облокотилась на палочку и явно спала. Увидев меня, курящая мужская братия оживилась. Даже молодые безусые парнишки внимательно следили, как я привязываю Ивана к спине и беру поклажу в руки. Никто из них не спешил помогать и идти на контакт. А мой "жених" перестал изображать из себя влюбленного дурачка и молча сидел на козлах, раздумывая о вечном.

— Добро в дом, — вылезла из кибитки и окинула молчаливую банду.

Не люблю гнетущую тишину, а тем более недовольные, изучающие взгляды. В каждом смотрящем на меня и ребенка я видела угрозу. Неприятные мурашки буквально предупреждали меня об опасности. Мне резко захотелось развернуться и напросить на ночевку в морг или даже к Кузьмину на придверный коврик. Чиновника приемки я уже знаю, а этих людей впервые вижу.

— Что? — продолжила разглядывать жующих табак. — Перевелись в деревнях добры молодцы? Джентльменам городским проиграли в манерах? Может, поможете даме с ребенком на ночлег устроиться и сумки донести?

Я смотрела на грязных, потных и засаленных мужиков и понимала, что это общество будто только с зоны "откинулось". На их лицах было написано желание меня придушить/трахнуть/изнасиловать, но не помощи.

Как там умный человек говорил? Если драка неизбежна надо бить первым?!

— Полушку дашь за помощь? — внезапно гаркнул один из верзил.

— Если денег нет, то мы сами возьмем, — насмешливо и по-звериному скалясь, поддакнул его товарищ. — Красотуля.

Видимо, это общество не видело чистую женщину. Да и обществом это сборище трудно назвать. Отбросы. Самые низкоранговые ошметки человечества и я в логове у этих бесчеловечных людей.

Проход самодовольно усмехнулся и ударил хлыстом многострадальную лошадку. Кибитка дернулась и унеслась прочь, обрызгав меня грязью из-под колес.

Век другой, а грязь из-под транспортного средства одна.

Кажется, Проход специально меня сюда привез. Хочет отыгаться на мне за что-то или... Избавляется, как от свидетеля!

Но об этом думать рано. Надо с усами-бородатыми разобраться. Конечно, по первому взгляду, понятно, чего именно они хотят, но я слишком люблю свою свободу, чтобы отдавать тело Антонины.

— Кто красотулей называет, кто лапотулей, а кто-то и гувернанткой судебного заседателя Чернова. — решила прикрыться должностью хозяина. Может, у этого народца нет желания иметь дело с властями?

— Гувернантка? — выдохнул главарь облачко едкого дыма и усмехнулся. — Благородная, значит?

Да кто ж ее знает, эту Астахову? Я вот в ее шкурке только пренебрежение получаю, а сейчас и жизни лишиться могу... Вновь!

— Кому благородная, а кому образованная, — немного нервно усмехнулась, попутно вспоминая про тяжелый железный таз, который мне выдали. — Не понимаю, зачем вам лишние неприятности, и так видно, что жизнь вас не балует.

Огромный небритый верзила с дыркой вместо глаза подошел ко мне и... У меня голова закружилась от зловония.

— Сколько ты не мылся? — некультурно закрыла нос рукой и закашлялась. — Давай лучше баньку справим и по-человечески поговорим.

— Баньку? — гоготнул представитель обездоленных. — Чего ж не справить? Коли сама просишься на кол сесть и... — его огромные шершавые пальцы тронули мои волосы, —... Себя подороже продать.

Ой, Господи, что твориться? Я как спастись буду от этого борова? В голове только мысли про таз и то, что Ивана надо спасать. Ребенок тут вовсе ни при чем, почему Прохор так поступил? Наверное, чин "младший судебный заседатель" настолько низкий, что на него можно не обращать внимания. Но тогда, мне точно можно выдавать похоронку. Спустя пару часов "баньки" меня можно будет закапывать.

— Знаете, а вы мне не только баньку натопите, но и выпивку с закуской принесите! — отчаяние накалило эмоции, и я решила расслабиться, как советуют психологи. Может, хоть удовольствие получу. — Мне все равно терять нечего: травят, камнем пришибить хотят. Зязин Василий Иванович решил взять на поруки, но все же не сильно старается меня спасать. — усмехнулась, а потом начала заразительно смеяться.

Боже, это истерика. У меня всегда накал страстей был связан со смехом. Я ржала, как конь, когда боялась или сильно переживала. Единственный момент, когда этого не было, это потеря моей девочки.

— Ну, что ж, — нахмурился бородатый боров. — Веселая у тебя жизнь, красивая. Что ж ты совершить успела?

— Наверное, убила кого-то и мне мстят, — пуще прежнего засмеялась, ощущая, как недовольно возится мальчик на спине. Громкие мужские голоса слились в один гул и взорвали наступающий вечер зычным гоготом.

А потом, потом все покатилося как по накатанной.

...

Вечером Чернов узнал, что его гувернантку вместе с ребенком выставили на улицу. И вместо того, чтобы прийти под крылышко хозяина, она решилась на самостоятельность. Теперь сын и прислуга находятся под присмотром церкви.

— Благодарю, добрый человек, — Василий поблагодарил дворника и, поймав извозчег, двинулся к строящемуся храму, который всегда дает приют страждущим.

Но среди стариков, детей служащих людей и дородных хозяек не была видна светлая голова тощей служанки. Даже в углу, где сидели больные и слабые не нашлась девушка.

— Где она может быть? — вслух рассуждал Чернов, придерживая свой чемодан.

Выйдя на улицу, он увидел назначенного на пост молодого батюшку и кинулся к нему.

— Не ведаю, о какой светловолосой рабыне Антонине говорите, барин. Но если хотите знать мое мнение то... Есть другая церковь, разрушенная пожаром. Ее облюбовал воровской контингент. Туда женщине лучше не заходить.

Чернова словно в холодную воду макнули. Не ощущая своих ног, он кинулся к Зязину, просить о помощи.

Когда бригада вооруженных и опасных полицейских прибыла на место, то сначала не поверили в увиденное.

Спокойные и непринужденные злобные воры и мародеры сидели на бревнышках в одних рубахах и курили.

— Не успели, — ужаснулся господин Кузьмин и воззрился на хмурого Василия Ивановича.

— Не наговаривай, — шикнул на него Зязин и поправил свои погоны. — Две смерти на участке — это уже не по статистике.

Все взгляды офицеров сместились на бледного Чернова, который потерял последнюю надежду, увидев полуголых мужиков.

— Там... Сын... Мой, — выдавил он и с мольбой посмотрел на Зязина.

— У нас уговор с главой был: на своей территории не гадить, — тряхнул головой офицер и поправил седеющие усы. — Много лет назад получил его.

Но думать о честности ребят, зарабатывающих на махинациях и воровстве, было глупо. Поэтому отряд представлял себе самые страшные картинки растерзанного женского тела. О гувернантке уже думали как о глупой девке, которая сама нарвалась на опасности. Вот только ребенка зачем-то вовсе втянула.

Сидящие на завалинке уже успели докурить. Их мало интересовало, в каком именно виде они предстали перед представителями закона. Да и человечности в них осталось совсем мало - прямохождение. За людей эту братию давно никто не считал, но разговаривать они все же умели.

— Чего встали, господа хорошие?

— Пошли, — скомандовал Зязин и выдвинулся впереди всей бравой команды в форме.

Низкие потолки и тесные проходы, ведущие вниз, сменились на каменный зал без окон и солнечных лучей. Здесь были свечи и прокопченные потолки. Мужики, мужчинки, старики и грязные существа, похожие на людей, сидели возле стен и вели свою тихую, никому не интересную жизнь. Вот только прелестной светловолосой девушки среди них не было.

— Явно главарю оттащили. — тихо шептал Кузьмин. — Красивая.

Но когда группу законников не тронули и пропустили в огромный зал, который протапливали для сна, пришедшие спасать замерли:

На небольшом возвышении, прямо в середине закопченного зала сидела светловолосая девушка. В руке она держала какой-то отломок доски. Ее рука легко выводила на нем цифры и буквы. Вокруг нее сидели огромные лбы и с интересом следили за каждым ее движением.

— Нолик - круглый,

Как Земля.

Все считают от нуля.

Арифметика проста:

Если ноль - ладонь пуста.

Пишем "0",

И ясно всем:

Здесь чего-то нет совсем!

Спокойно, четко и задорно говорила девушка. Она смотрела на собравшихся не как на грозные тени улиц, а с улыбкой и воодушевленно. Вокруг нее были не воры, а простые люди. Светловолосая, в сером платье она будто светилась изнутри, заражая своим настроением.

— Вы целы? — удивленно выдохнул Чернов.

Его голос в гробовой тишине был слышен всем.

Антонина обернулась на звук и, завидев своих спасителей, растянула губы до самых ушей.

— Конечно, сухари здесь каменные, но зубы все еще целы. — весело ответила гувернантка и отложила дощечку. — А Иван спит. Бедный. Умаялся.

9. Главная Подозреваемая

Ой, и что у нас все такие нервные? Чернов не сдержал свой истеричный смешок и кинулся к самодельной детской кроватке, где мирно спал Иван на тех вещах, которые мне хозяйка квартиры выдала. Рядом с мальчиком восседал Митрошин. Не знаю как настоящее имя-отчество главного борова, но он не в обиде за данную кличку.

— Приветствую, Василий Михайлович, — негромко крикнул глава клана Зязину.

Офицер поправил свою форму, будто она внезапно стала мала, и подошел к нечесаному медведю со сдержанной улыбкой.

— Митрошин, держишь слово, — пожали мужчины друг другу руку.

Митрошин весело подмигнул мне, припоминая о моем неверии, что законники и воры могут водить дружбу. Я тогда Зязина упомянула, а глава клана сообщил, что дружит с ним. Конечно, я не поверила в такую явную ложь.

— Непокойно на твоих улицах, Василий Михайлович. — покачал головой Митрошин. — Чем-то грозным пахнет.

— Все хорошо у нас, Митрошин. — как-то неправдоподобно отозвался Зязин и посмотрел на подслушивающую меня. — Почему-то мне эта... Дамочка с ребенком, на каждом шагу сегодня попадает, — недовольно высказался офицер. — Теперь еще и подслушивает.

— Ну, знаете ли, говорили бы вы тихо и скрытно, тогда подслушала, — отряхнула руки от мела. — Но вы ведь во всю громкость и не стеснясь никого. — Мило улыбнулась мужчинам.

Обе высочайшие особы переглянулись и направились ко мне.

Гордо выпрямилась, расправила плечи и встала в... Боевую стойку. Выставила небольшие кулачки перед собой, ноги на ширине плеч. Грозно нахмурилась и выпалила:

— Бокс? С Митрошином у нас второй раунд, а вы на новенького, барин.

Я не врал.

Впервые, когда Митрошин тронул меня за плечо, мой испуг дошел до апогея. Поэтому отстранилась и замахнулась кулаком. Но прыткий главарь бандитов поймал мою маленькую и слабенькую ладонь... Но не ногу.

Несмотря на нежное, слабое тело, ноги даже у гувернантки сильные и прыткие. Поэтому при встрече с главарем, я ударила его в голову.

— Может, поговорим мирно? — нервно спросила шокированного бандита.

За моей спиной уже выстроилась братия, готовая рвать меня на куски по приказу босса. Было страшно, но я трезво оценивала собственные силы и умения.

— Что еще можешь? — внезапно спросил Митрошин, придерживая место удара.

— Читать, писать, читать..., — нервно выпалила, перечисляя базовый набор. — Могу научить законно вымогать деньги.

— Законно вымогать? — удивился главарь. — Рассказывай!

— Но для этого надо знать счет. — важно дополнила, осматривая собравшихся людей. — Все, кто собирается работать в кредитной сфере, должен уметь правильно считать и вести записи.

Так, десяток здоровенных, нечесаных лбов сели слушать мою лекцию. Конечно, я не стала выдавать свою задумку полностью. Мне хотелось оставить за собой право руководителя, но говорить об этом никому не стала. Если Митрошин поймет, что его водит за нос гувернантка, то меня даже полет на луну не спасет.

— Итак, Антонина Павловна, почему вы оказались в разбойничьих местах? Неужели вам не хватает перца в жизни? — Зязин перевел внимание на меня и отвлек от размышлений о прошлом.

— Меня привез сюда кучер.

Вспомнила о подозрительном Прохоре. Женишок ведь опять сбежал и толком мне ничего не рассказал. И ведь действительно, похоже, что меня хотят либо запугать, либо убить чужими руками. Нет, неправильно выразилась. Убить незаметно для окружающих.

Ну кто из местных отправится в оплот маньяков и убийц? Только самоубийца! А раз так, то не спрашивайте о причине смерти глупой гувернантки. Сама виновата - без мозгов родилась.

Теперь у меня есть подозрение о том, кто именно отравил Антонину. Наверное, яд быст-родействующий был и не мог попасть в организм До встречи с кучером. Во всем виноват стран-ный Прохор! Его надо допросить с пристрастием.

— Как это понимать, Антонина? — ко мне подошел раздраженный Василий Чернов. — Вы пренебрегли безопасностью моего сына! — строго выговаривал мужчина, придерживая сонного мальчика.

— Хорошо то, что прекрасно и без синяков заканчивается, — потеряла свое лицо, отгоняя непрошенные видения о собственной смерти. — Если хотите меня уволить, то у вас есть на это право.

Качнула головой, пытаясь заглушить звуки чужих голосов в ушах. Кажется, я сейчас сва-люсь с мигренью. У меня появилась светобоязнь и тошнота.

— Антонина, что вы такое говорите? — моментально успокоился Вячеслав с ребенком на руках. — Вас прислал отец моей жены, после того, как я сообщил о ее побеге. Надежда поскакала к офицеру, оставив меня без гроша и с ребенком на руках. Я сразу написал письмо ее родителям, а они с ответом прислали вас. Я не могу вас удерживать потому, что не являюсь вашим полноправным хозяином.

Хм, понятно, почему Антонина оставалась рядом с Иваном и не сбежала от нищего судеб-ного заседателя. Наверняка услуги гувернантки оплачивают дедушка с бабушкой. Но прибытие няни все еще не дает полной картины о тайнах Астаховой. Я лишь приоткрыла часть, которая скрывает душа покойницы. А чтобы продолжить свое маленькое расследование и найти дочь, мне надо утихомирить свой темперамент.

— Прошу прощения, барин, — пожевала губами, пробуя новое слово на вкус. — Впредь буду более осторожной.

Покорно произнесла и проследила, как собравшиеся законники несут наши вещи к выходу. Зязин наговорился с главой разбойников и уже ждал нас на улице.

— Василий Михайлович приглашает нас на ночевку, — пояснил Чернов, видя, как я готовлюсь биться за свой таз. — Его жена и дети добродушно потеснятся, чтобы разместить нас.

Хорошо. Но я удивлена, что неприветливый офицер Зязин зовет к себе домой на пироги. Это странно с учетом того, что меня он видеть точно не хочет.

Но вот я уже дома у командира законников. Полицейский улыбается своей супруге и просит накрыть на стол "барину Чернову и Дурову", а мне указывают на дородную женщину в переднике.

— Я вас провожу. Вы будете есть на кухне, возле стола и спать со всеми слугами, — недо-вольно сообщила женщина. — Видимо, твоей семье совсем плохо, раз гувернантку послали спать в комнату к крепостным служащим.

В местном разделении слоев я уже начинаю путаться. Для меня рабочий и раб почти одно и то же. Мне ведь платят деньги за Ивана? Тогда и кухаркам, прачкам, уборщицам должны платить. Но беда в том, что мной нельзя распоряжаться. Я не принадлежу никому. Крепостных продают, женят, отдают в собственность, а гувернантку не трогают. Правда, меня не признают равной ни бароны, ни крепостные.

Вечером я не успела даже подумать о вечном, как сразу выключилась после первого напряженного дня в девятнадцатом веке. Мне кажется, я только глаза закрыла, как меня начали будить криками:

— Антонина! Как ты могла? Дом хозяев горит! — кричал, залетевший в рабочую подсобку Чернов. — Хозяйка кричит, что это была ты. Ты проклинала и обещала ей отомстить.

— Горит? — неудовлетворенно буркнула. — Пожар? — усмехнулась, представив, как сейчас бесчеловечные свиньи бегают вокруг своего дома. — Почему я не догадалась там все поджечь? — не удержалась и вновь упала на подушку.

— Тебя сейчас арестуют, — грозно произнес Чернов, видя мое полное безразличие и злорадство. — Ты - подозреваемая в поджоге!

10. Проклятье ведьмы

Если кому-то не до сна, тот Я!

Мало того что меня разбудили, когда пожар не потушили. Так, еще и вновь сунули ребенка в руки. Толком ничего не объяснив, Чернов куда-то убежал. А я едва обратно, на неудобную подушку не плюхнулась. Кстати, очень плохие условия проживания для прислуги. В комнатке, где можно пройти всего шесть шагов до стены и четыре до маленького окна ютятся три женщины. Со мной - четыре. И я здесь самая тонкая, точнее, тощая. Антонину явно не докармливают. А может, вовсе, не кормят. Мне место досталось у дальней стены, поэтому, когда Чернов пришел за мной, то разбудил всех. Теперь три пары глаз наблюдали, как я пытаюсь влезть в колючее шерстяное платье и придерживаю сонного Ивана.

— Где вы там? — послышался недовольный голос хозяина в коридоре.

Плюнув на неблагодарное дело - одеваться одной рукой, вышла к судебному заседателю и отдала Ивана.

— Надеюсь, вас не затруднит помочь мне с надеванием платья? — мило улыбнулась мужчине и вернулась к делу.

Когда я вышла, в коридоре уже никого не было. Зато долговязый смотритель особняка вышел из тени и молча проводил до выхода, указав на кибитку. В повозке уже сидел недовольный Чернов и сонный Зязин. Ничего не говоря, я присела между мужчинами и получила спящего Ивана на руки.

— А вы знаете, что ребенку нужен отец не меньше, чем мать? — поправила на малыше одеяло. Кто-то очень бережно укутал чернявенького мальчишку.

— У меня есть вы, — не принял мою колкость Василий.

— Только вы меня не цените и не желаете уважать. — высокомерно взглянула на работника закона. — Защищать тоже не спешите.

Чернов окинул меня высокомерным взглядом. И недовольно выдохнул. На нем была мягкая форма нараспашку. Видимо, собирался в спешке. А вот Зязин был одет с иголочки: чистый, вылизанный, проглаженный и белый воротничок возвышается над воротом. Глядишь на него и сразу видишь представителя закона. Его не портила ни седина, ни начавшаяся лысина. Мне казалось, что от него веет чем-то приятным, теплым. Хоть он и резок, но добродушен.

Эх, жалко, у него и жена есть и прислуги полный дом. Я бы перешла работать к Зязину и даже Ивана бы забрала от нерадивого папаша. Чернов, вообще, думает кормить своего наследника? А мне - его работнице, хоть что-то перепадет?

— Было бы отчего, — буркнул Василий, не поворачиваясь ко мне.

Прям обиженный ребенок. Если он только по-детски понимает, то придется разжевывать все.

— Не по джентльменским гнобить свою гувернантку, которая растит вашего сына. Тем более у вас нет денег на прислугу. Я могу уйти в любой момент, — тронула миленький носик спящего Ивана. — Меня не остановят даже миленькие щечки этого мальчика.

Заметив любопытный взгляд Чернова и услышав громкий храп Зязина, перестала сюсюкать и вернула деловой тон.

— Я была всю ночь с вами, барин, — откинула длинные волосы и улыбнулась. — Объясните мне логически, как я должна была поджечь дом? Да, я хотела, чтобы эти нелюди поплатились за бесчеловечное поведение, но для этого нужно время и ресурсы. — многозначительно взглянула на судебного заседателя, который, кажется, только сейчас начал думать. — Расскажите, как я прошла по ночной улице, подожгла дом и вернулась назад?

Чернов выдохнул. Тронул свою шевелюру, потом спустился к рубашке и внезапно замер. Кажется, мужчина понял, что сверкает своей голой грудью перед дамой. Он спешно стал застегиваться и поправляться, Растеряев всю свою браваду и праведность.

— Вы могли вылезти в окошко. — начал говорить мужчина.

— Я, конечно, худышка, но окно в комнате слишком мало и не факт, что открывается. — спокойно произнесла и облокотилась на бортик движущейся кибитки.

— Вышли через дверь? — неуверенно предположил недоследователь.

— Вы огромного сторожа видели? Он меня в качестве зубочистки использует, если я без распоряжения Зязина двигаться начну. — легко парировала доводы хозяина. — Увидев, как хмурится мужское лицо, решила добить фактами. Не хочу, чтобы работодатель во мне сомневался. Мне пока в качестве гувернантки неплохо живется. — Василий, барин, понюхайте меня.

Мужчина сконфузился и сделал брезгливое лицо, будто я ему облизать грязный ботинок предлагаю.

— Не буду, — возмутился благородный господин.

— И не надо, — усмехнулась, разглядывая сконфуженное личико Чернова. — Мое платье воняет потом и работой. А должно...

— А должно чем? — не понимал судебный заседатель.

— Гарью, копотью. — зловеще прошептала в лицо недалекому мужчине. — Представьте запах ада и поверьте мне на слово – я не могу быть поджигателем.

Чернов закусил губу и надулся, словно ежик. Еще и засопел так забавно, что я не сдержала смешок. Заметив на его форме грязь, попыталась ее стереть. Но мужчина хотел убрать мою руку.

— В дом прибежал дежурный и сказал, что хозяйка Ильева Марта подозревает вас. Вы кричали проклятья и сыпали угрозами. — важно сообщили мне причину моего подозрения.

— Да, кричала. Но если мои проклятья сработали, то я ... Самая настоящая колдунья. — радостно провозгласила свою догадку и сама рассмеялась. — Барин, вы верите в ведьм? — не могла отсмеяться и продолжила подтрунивать над нервно спящим дознавателем. — Если у вас есть время на сказки, то читайте их вместе с сыном. Ивану понравится Баба-Яга и Кощей.

Чернов совсем обиделся и даже руки перед собой сложил. Мне казалось, что сам Василий ребенок, которого я пытаюсь учиться новому взгляду на мир.

— Но с чего-то Ильина взяла это? — пытался защитить свою точку зрения хозяин.

— Да, взяла: интуиция, предчувствие, сон приснился, погадала на кофейной гуще, карты разложила, пока дом горел. — не могла отступить от смешного предположения Чернова. — Ой, а знаете... — Воодушевленно воскликнула, так что даже извозчик обернулся. — Ведьма ведьму видит издалека! — и тут же принялась смеяться.

И тут оживился спавший Зязин. Его внимательный взгляд замер на моих руках, которые поддерживали Ивана, чтобы он не упал во время езды. Мужчина выпрямился, глубоко вздохнул и сказал:

— Была жалоба, а мы теперь будем прорабатывать возможные варианты поджога.

— Василий Михайлович, — возмущенно воскликнула.

Эх, а я рассчитывала, что в этом участке хоть кто-то умный сидит, а не подобные Чернову.

— Вы тоже верите в проклятье ведьм? — насмешливо спросила начальника полицейского отдела.

— Я думаю, что у вас мог быть сообщник, — важно прищурился Зязин.

О, вот и умные доводы, с которыми мне привычно иметь дело.

— Сообщник все сделал по вашей наводке. — повторил Зязин, видя, как я притихла.

— Сообщник мог быть и у вас, Василий Михайлович. И даже у Чернова, — нагло улыбнулась, смотря в глаза начальнику полиции.

Седеющий мужчина усмехнулся и посмотрел на бледного Чернова. Хозяин не мог поверить, что я смею разговаривать с высокопоставленным человеком таким тоном.

Зязин улыбнулся и надел на голову полицейскую фуражку.

— Не беспокойтесь, Астахова. Если на вас нет вины, то я не позволю вас трогать. Уж очень вы мне моего сына напоминаете. Сейчас он в столице учится. Толковый парень. Жалко вы... Гувернантка.

Он явно хотел сказать, что я женщина, но вовремя передумал. Видимо, характер собственного сына хорошо знает и понимает, как я отнесусь к словам.

Поверив Зязину на слово, я вовсе перестала воспринимать Чернова, как хозяина. Нет, у меня не было мысли кинуть Ивана и пойти заниматься своей жизнью. Но в этом не было заслуги Чернова. Мне просто стало жалко Ваню, которому придется жить рядом с таким несобраным и рассеянным отцом. Теперь, я понимаю почему Надежда Дурова сбежала. Я бы тоже не выдержала такого мужа. Правда, я до сих пор не могу понять, как она оставила сына на попечение неблагонадежного человека.

Пока я раздумывала, кибитка подъехала к участку, а над городом виднелось алое зарево. Дым несся под потоками ветра, за город. Казалось, что сюда спустилось солнышко. Видимо, это догорали остатки дома. Потому что, возле входа в участок стояла небольшая толпа, состоящая из женщин, стариков и маленьких детей. Все являлись жильцами многоквартирного дома Ильиной.

Сама хозяйка, завидев меня, начала кричать:

— Это она виновата! Она сказала, что сожжет мой дом! Она!

Кинулась к кибитке женщина, но тут же столкнулась с собранным и сдержанным Зязиным.

— Разберемся, дорогуша. — спокойно сообщил глава полицейского участка.

Нет, надо напроситься к нему в прислугу. Этот хоть защитить может от ненормальных.

11. Свидетель

"Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный не волью орел молодой..."

Интересно, этот стих уже есть в данном времени или я бегу вперед паровоза?

Нет, я не сидела в тюрьме, но и не была свободна. Хмурый Чернов восседал за столом, а невозмутимый Зязин стоял у окна и наблюдал, как рассветное солнышко выплывает из-за горизонта. В комнате сохранялось невозмутимое молчание. Два Василия занимались своими привычными делами: Чернов готовился записывать показания, а Зязин - думал. За дверью кабинета стоял крик.

"Умная" хозяйка открыла не только свой рот, но и все чакры, поэтому орать у нее выходило отменно. Про чакры не шучу, а иначе как она могла выдумать остальную ахиною, которую несла? Ее обвинения дошли до того, что я сплю с Черновым, а Иван — наш внебрачный сын. Хорошо, что ненормальную сдерживала доблестная полиция. Надеюсь, Ильина никому не навредит.

И вот, дверь, которая вела к моргу, отворилась и в комнату вплыл Кузьмин. Мужчина в форме принес поднос с чашечками чая и тарелкой с сушками. Взгляд офицера замер на мне, а потом он просто покинул помещение.

— Итак, — Василий Михайлович взял в руки чашечку, — ... Начнем допрос.

Чернов макнул перо в чернила и приготовился писать.

— Чернов Василий, расскажите, как вы познакомились с Астаховой.

Фух, я уже представила, как на допросе опытного следователя мое незнание прошлого девушки подведет. Но все началось куда прозаичнее. Наверное, меня оберегает Бог, и я могу еще немного подышать на свободе.

— Барышня Астахова приехала в город около трех месяцев назад, — неуверенно и ничего не понимая начал рассказывать хозяин.

— Вы записывайте и рассказывайте, — аккуратно отпил чай глава отдела.

— При барышне было письмо от родителей супруги. Там сообщалась, что Антонина Павловна вступает в должность гувернантки и является близким другом рода Дуровых. До момента, когда приедет дедушка, гувернантка будет заботиться о ребенке.

— А вы, значит, писали письмо родственникам жены? — сушка отправилась в рот Зязина.

Уложив ребенка на небольшой диванчик, я подобралась к чашечкам, где паровал ароматный напиток.

— Да, — удивился Василий, увидев, как я без приглашения села чаевничать. — Как только увидел записку жены, где она извинялась за побег.

Ум-м, вкусно. Горячий напиток тек в самую душу и разгонял утреннюю прохладу. Конечно, я бы не отказалась от кофе, но мне в этой жизни не приходится выбирать.

— Значит, барышня по большому счету должна плохо знать город? — спокойно произнес дознаватель, следя, как быстро движется перо в руках заседателя.

— Не ведаю, Василий Михайлович. — махнул головой Чернов. — В последнее время я редко бывал дома и не представлял, чем занимается прислуга.

Зязин поморщился, но больше ничем не выдал свое недовольство.

— Как вы узнали о выселении из квартиры? — вопрос был адресован Чернову. — Вместе с вами выселили еще кого-то подозрительного?

Я спокойно жевала сушки, пока не вспомнила странного Прохора. Извозчик имел дела с Антониной и не являлся ее женихом. Так же, я припомнила наш странный разговор: мужчина переживал за Это. Он так сильно отреагировал на упоминание неизвестно чего, что едва не

выскочил из повозки. В качестве поддержания разговора я брякнула про неведомые следы, которые якобы оставила. И тогда...

"Разберёмся!" — как наяву услышала недовольный голос начесанного, прилизанного кучера в чистеньком пиджачке.

Неужели... Ну нет... А вдруг?

А если это действительно Прохор замечает следы? То получается, что Астахова была впутана в нечто грандиозное. За менее важное не поджигают дом! И... Если дом сгорел, то у поджигателя был способ войти и найти место, где пожар не смогли бы остановить или заметить раньше времени. По моим предположениям — это чулан.

— Барышня! — выдернул меня из дум недовольный Чернов. — У вас спрашивают.

— Вы с Черновым состоите в любовных связях? — хмыкнул Зязин и внимательно наблюдал из-за чашечки.

Что? Я потеряла нить допроса. К чему тут мои отношения с Черновым?

— Не думаю, что у нас был секс, — отмахнулась от недостойного моего внимания вопроса. — Василий, может, хозяин плохой. Не хочу себе даже представлять такую неэстетичную картину.

Отчего-то Чернов поперхнулся, а лапочка-следователь выплюнул чай. Что ж он такой неосторожный? Обжёгся, наверное?

— Вам плохо? — мило и с самыми добрыми намерениями посмотрела на Василия Михайловича.

— Давайте продолжим допрос? — поторопил Чернов, стирая кляксу с листа.

— Если вы будете спрашивать, то отвечу заранее: на момент поджога я была в вашем доме. А насчет сотрудника, то...

Как же мне про Прохора сказать? Ведь сообщить надо так, чтобы меня ни в чем плохом не заподозрили.

— А вы меня приняли только по доверенному письму Дуровых? — решила потянуть время перед своим главным признанием.

— У женщин нет ничего, — сконфуженно напомнил хозяин.

Конечно. Как же я забыла о тотальном патриархате? Дамы здесь лишь как матка используются.

— Эх, как же мне поверил, имея лишь письмо? Ведь сейчас меня обвиняют в раздвоении тела. — зубасто улыбнулась секретарю с пером.

Зязин отставил чашечку и привлек мое внимание. Чернов вытер пятно и, прикусив губу, приготовился писать.

— О своем выселении, господа хорошие, я рассказала лишь жениху, — просто поведала, рискуя всем, что у меня есть. — Меня унизили и выставили за дверь, — сделала обиженное лицо и даже нахмурила бровки. — Было больно и обидно, а Прохор... Я рассказала все жениху. — выдавила слезу, давя на жалость.

Единственное, что сейчас меня волновало, это то, что меня могут заподозрить в чем-то большем, чем обычный поджог. Вот поймают Прохора. Спросят про "это" и я еще виноватой останусь. Но лучше узнать, чем ходить в неведении.

— Прохор давно стал вашим женихом?

Правильный вопрос задает Зязин. Сомневаюсь, что здесь легко проходит сватовство и расшаркивания с приличиями. Да и этот город для Антонины нов и чужд, раз она здесь три месяца. Так быстро знакомство не проходит. Наверное, Прохор... Приехал вместе с Астаховой!

— Вы говорили о женихе, когда просили о выходных, — "напомнил" Чернов.

Значит, мои выводы верны: "жених" приехал со мной и вез "это".

Так! Стоп! Раз Прохор ехал со мной, то... Астахова являлась винтиком в огромном механизме задолго до размещения в Ирбите. Возможно, в город Тоню послали не от Дуровых, а от... Кого-то более влиятельного, чтобы сотворить здесь... Что-то.

Нехорошее предчувствие заставило сердце биться чаще. Захотелось отмотать время назад и смолчать про Прохора. Но слово сказано. Назад ничего не вернешь.

— Значит, жаловались жениху? — внимательно оглядел меня Зязин. — Знаете, где он сейчас проживает?

— Нет, — честно ответила, раздумывая о своей дальнейшей судьбе.

— Кузьмин! — громко позвал Василий Михайлович.

Офицеру приказали найти и привести Прохора. А пока его искали, меня посадили на диван к ребенку, а в кабинет начали приглашать возмущенных горожан. Но чтобы не провоцировать конфликт, меня с ребенком отгородили ширмой.

Я столько всего услышала о себе и тому подобных, что мне стало жалко Зязина, которому приходится выслушивать Всех!

Но глава молодец, он задавал вопрос:

— Вы видели поджигателя?

И если человек не был напрямую связан с преступлением, то отсылал в приемное отделение писать заявление или объяснительную.

А потом прибежал красный и запыхавшийся Кузьмин. Открыв дверь, он негромко произнес:

— В комнате Прохора труп.

— Прохор? — воодушевился Зязин.

— Похоже, — слегка неуверенно отозвался работник.

А я убедилась в том, что в Ирбит меня с женихом специально послали ради какого-то великого дела. И тот, кто послал имел огромное влияние.

— Два трупа, поджог..., — выглянула из-за ширмы. — На вашем месте, Василий Михайлович, я бы отписалась в вышестоящие органы. Здесь явно твориться нечто, что нельзя замалчивать.

12. План

Еще несколько раз меня опрашивали, но больше ничего путного я не смогла сказать.

"Кем мне приходится Прохор?"

— Жених.

Общеизвестный факт, о котором не только Астахова говорила, но и сам извозчик кричал.

"Где вы познакомились и когда?"

— Как-то так получилось. Оглянуться не успела, а уже влюбилась. — в этом ответе я безбожно врала. Но и сознаваться в том, что ничего о прошлом мужчины не знаю, не хотелось.

На вопросы, на которые не могла дать четкого, логического ответа, я начинала краснеть, бледнеть и строить крайне стеснительную мину.

— Насколько сильны ваши чувства? Он мог из-за вас поджечь дом?

— Ой, да что вы? Не знаю, я, — мило хлопала глазками и мялась на стуле, чувствуя себя актрисой погорелого театра.

Цирк уехал, а клоунесса осталась.

Хорошо, что я примерно, знаю, в какую сторону будет клонить следователь Зязин, пока в город не приедет высокопоставленный дознаватель.

Но меня мало интересовали походы в участок. Там дурашка Чернов пишет эти бумажки, а Василий Михайлович пытается найти брешь в моих ответах.

Вот только... Культура 19 века не позволяет мужчине быть резким и настойчивым даже в вопросах. Они от некоторых моих прямых ответов сами краснеют, бледнеют и выпадают в осадок.

Так, вопрос о моих Близких отношениях с Прохором меня настолько достал, что я выдала:

— Джентльмены, но я ведь девственница. Это значит, что ни один член не прорвал мою плевру.

После этого ответа мужчины решили меня отпустить и вообще, не трогать как минимум неделю. А лучше всего, не связываться и отходить подальше при встрече на улице.

Для местных баронов, я некультурная, вспыльчивая, характерная личность, которую лучше не трогать, а то потом обтекать придется.

Я понимала, что своей прямоотой нарываюсь на непонимание и определенные человеческие выводы, но эти следки мне жить нормально мешают. Почти каждый день на допросы гоняют, а мне хотелось свободы.

Но получив оную, я поняла одну вещь: хочу свободы, самостоятельности, самообеспечения, а не прыгать по первому щелчку Чернова. А для этого мне пора найти прибыльное дельце без отрыва от Ивана. И конечно, я вспомнила про воров-разбойников. Но вспомнив, поняла, что силенок у меня пока не хватит заманить антисоциальную личность в кредитные сети капитализма.

Поэтому, мой взгляд упал на дворника Михалыча. Над ним я не собиралась ставить опыты, зато использовала как путеводитель, словарь и гида. И пока я собирала информацию, готовила бизнес план, поняла одну вещь — пора купаться.

Нет, обтирание тряпочкой из тазика у служанок Зязина было введено до автоматизма. А вот, чтобы под душ или в ванну с головой - такого не было у прислуги. А жена следователя — Мария Федоровна и их третья дочь — двенадцатилетняя Анна Васильевна вовсе читали умные книжки, как быть дамой и леди.

В умных книжках, купленных в Питере, писали обо всем, что касается высокосветскую даму. Например: мыть голову стоит раз в месяц аммиачной водой. Поначалу надо навести рас-

твор покрепче, а потом, так уж и быть, послабее. Раствор стоит втирать в кожу головы до ощущения сильного жжения.

Ага, пока кожа с черепа не слезет вместе с волосами. Для "аромату" стоит добавить медовой воды или капельку масла розмарина. Раз в месяц две высокородные дамы городского ходили в парикмахерскую, где им расчёсывать, и запудривали волосы. Там, они делали причёску, которая держалась почти весь месяц.

Простые девки пользовались отварами чистотела, крапивы и лопуха. Делали они это редко и в основном просто хорошо расчесывали волосы с маслом или собачьим жиром. Собачий жир в доме Зязина не приветствовался "смердит", а вот просто расчесаться и пойти, дела делать вполне было в ходу.

И я со своим "дайте таз пойду купаться" выбила народ из привычной жизненной колеи. Дело в том, что "купаться в ванне" могли лишь благородные хозяева. А вот такие, как я и ниже по сословию пользовались тряпочками и ароматной водой. А иначе "воды много уходит".

— Я принесла воду, нагрела, мне ей и пользоваться, — рыкнула на домоправительницу, которой стало жалко ведра железного.

Вообще, домоправительница Аглафья Крепостная была тихой и исполнительной. Сказали ей найти для меня старую одежду, она нашла и выдала. А вот когда я присела с этими платьями-балахонами не зная с какой стороны резать и шить, она даже помогла мне подшить все и научила пользоваться иглой. Я, как современная девушка, иголку в руках держала крайне редко. Кажется... Раз в жизни. Поэтому помощь опытной швеи и ее нравоучения очень помогали. Но когда дело касалось "ее утвари" тут уж надо было включать всю свою сноровку и наглость. Мне ведро пришлось буквально воровать! А о мыле... Мыло здесь было вонючее... Хозяйственное. На основе животных жиров.

Кое-как расплела свою шевелюру. Оказалось, что у меня длинные волосы. Всегда мечтала о длинных волосах, но мои были очень ломкими и красиво росли лишь до стадии каре, а потом резко начинали сечься, выгорать и выпадать. Феномен каре, не иначе. И вот, я вымылась, вычесалась и... Сухие волосы, чешется голова, недовольная Аглафья.

И вот я вернулась к дворнику. Вместе с Иваном и чесучей головой. Пришла не просто так, а затем, чтобы, наконец, выйти из круговерти городской, помещичьей.

— Чего надобно? — переспросил Михалыч, почесывая свою бороду и придерживая метелку.

— Кузнец, чтобы он мне железных писчих перьев наделал, — несколько раз попросила добряка.

Тот хмурился и раздумывал, к кому меня можно послать.

Ивану надоело сидеть на руках, и он переместился на землю, где тут же сел в лужу, а потом еще и упал в нее пару раз.

Может, в двадцать первом веке я порадовалась за дитя в резиновых сапожках, непромокаемом дождевике и готовой горячей водой дома, но тут у меня все настроение снизилось ниже плинтуса. За вещи ребенка, Василия и свои собственные, отвечала я. Я, конечно, пыталась спихнуть грязные портки Василия на самого хозяина и даже на домработниц Зязина, но получила грязные вещи обратно со словами: "отрабатывай стол и кровать". Мое эго двадцать первого века приумолкло, когда мне "не осталось" еды в огромном доме. Василий Михайлович не лез в поучительные уроки между слугами и изображал лишь радушного хозяина.

Пока я обтирала ребенка, Михалыч предложил мне съездить в деревню к кузнецу.

— Там есть несколько додельных. Может, кто и сдюжит, — почесывал мужчинка бороду.

— Благодарю, добрый друг. — засовываю ребенка в чистый сухой подол.

— Я сам не поеду, но могу описать дорогу.

— Хорошо. — согласилась. — Как же мне с Иваном поступить? Его бросить нельзя и взять страшно. Вдруг хозяин наругает? — вслух размышляла о злоключениях судьбы.

— А вы у барина Чернова разрешение возьмите и езжайте, пока не стемнело.

Василий оказался вместе с Зязиным на станции вокзала. Они уехали и приедут неизвестно когда. Вокзал находится в сутках пути от Ирбита. А поезд приезжает тогда, когда придется. Так что в деревню мы поехали с Иваном.

А вокзал... Наверное, столичный дознаватель скоро приедет.

13. Продолжение

Что я думала про купание? Надо срочно забыть!

В деревне процветал культ бани. Я приехать не успела, как меня высадили сразу возле бани. Тут толпились бородатые, бравые мужчины, которые на плече могли картошку таскать. Грязь под ногами их не смущала, а вот я, как белоручка, пыталась встать и не потерять обувь. Иван, завидев, толпу, выдал:

— Гуся!

М-да, похоже, я тут самый ценный музейный экспонат: на меня смотрят как на выскочившего призрака. Прихлопнуть жалко и не отмахнешься. А "гуся" степенно ходит между ног крепостных крестьян и гавкает на все лады. Его даже не пинают, не боясь, что цапнет.

— Я от Михалыча-дворника, к кузнецам рукодельным, — невинно улыбнулась, всматриваясь в косматые бороды.

Хоть бы меня не прихлопнули. А то я совсем беззащитная, да еще и с ребенком. Иван вообще решил, что пора дать мне понять, что он маленькая деточка. Ребенок начал брыкаться и вырывать. Ему "гуся" понравился, да и между ног деревенских мужиков сновала пара ребятков в тяжелых, огромных рубахах.

Получив свободу, юный любитель животных кинулся... Прямо в грязь.

Только начало зимы, снег тает, как мороженка, превращая все, что возможно в грязь. Ребенку, видимо, приключений не хватает. Мальчик прыгает по грязюке прямо возле деревенских мужчин, и капли грязи летят на не очень чистую одежду оных.

— Ваня, — взмолилась, глядя на недовольные лица бородачей. — Может, не надо провоцировать?

Внезапно один великан делает шаг вперед и... Я хватаю ребенка и отпрыгиваю назад, готовясь защищаться.

— Михалыч? Этот тот, что у барина полы метет и в сторожке спит? Он мой родственник. — миролюбиво выдает дядя с огромными плечами. — Тоща... Не кормят? А детей как носишь? — придиричливо оглядели его темные глаза.

Да, я знаю, что мое тельце оставляет желать лучшего: доска и два соска. Одно название. Мной можно накипь оттирать в кастрюле людоеда. Одни длинные светлые волосы - моя гордость. Всегда мечтала о густой и красивой шевелюре. Видимо, купание с хлебным настоем и яйцами дает хороший результат.

— Да-да, — заинтересованно подалась вперед, отпуская ребенка. — Мне по делу к кузнецу надо.

Мужчина посмотрел на бегущего к детям Ивана и усмехнулся. Он будто оценил степень опасности и платёжеспособность.

— Оставайся на ночь. В баньке попарим. Наешься хлеба женки. У нас семеро малых и она Здорова! Восьмого носит! — сказал, будто похвалился, еще и себя по пузу ударил.

Собравшиеся мужчины его бравладу поддержали и стали говорить о своих привычных делах: у кого-то корова "стелена" к ярмарке должна разродиться.

— И теленок, и молоко на продажу пойдут.

У другого яиц заготовлено больше сотни, и все продавать собирается. У другого муки намолото, и женка с дочками пироги будет печь к ярмарке.

Единственное, что мне стало понятно и было интересно, все готовятся к ярмарке. Деревенские, как и городские, живут от ярмарки до ярмарки. Только городские промышляют сдачей комнат и мест для продажи, а деревенские сами будут торговать с приезжими купцами. И семьдесят процентов отдадут барину, ведь вся скотина возвращена и выкормлена на земле хозяина. Вот и получит барин денежку, ни разу тяпку в руки не взяв.

Не знаю отчего, но я едва зубы не сточила, когда поняла, что эти добрые деревенские кормят не просто целый город, но и деньги толстосумам отдают. Ирбит, конечно, не много-миллионник и даже тысячи жителей там не наберется, но там точно больше сотни.

Но меня легко отвлекли... банькой, сытным ужином и хоть и тесным ночлегом, но каким-то уютным, теплым. Мне так и хотелось остаться в деревне. Но... Все дела я успела сделать с кузнецом за сутки, поэтому через два дня я уже отправилась в путь, дорогу. Семья Михалыча оказалась очень гостеприимной и милой.

Детей там было очень много, но все приучены к хозяйству, земле и дому. Моя наука, обучение и правильный счет, которым я обычно увлекала Ивана, здесь был никому не нужен. Считать детей обучают зимой, когда рабочие руки на поле и на ярмарке не нужны. Обучают постольку-поскольку в городском храме, куда топать почти три часа. Обычно, туда отсылают самых взрослых, перед подготовкой к женитьбе. Девочек никуда не отпускают: они дома сидят и учатся домашним делам. Только мужики учатся, чтобы читать и считать хоть немного.

Зато мои сказки про умного мышонка, который учился считать, понравилась всем.

Расставалась я с ними добрыми друзьями. Меня даже хотели откормить и выдать замуж за сына мельника (только он был согласен взять такую тощую и болезную).

Смешные и очень добрые, открытые люди.

Забрав заказ у кузнеца, который был рад со мной сотрудничать и дальше, решила возвращаться.

Правда, пришлось идти пешком, неся на спине маленького ребенка. Кажется, Иван за время гостевания подрос. Не удивительно: на свежем молочке, парующем хлебе с кашами. Он даже немного возмужал: перестал быть наивным ребенком и показывал свой характер. В деревне он бегал вслед за старшими детьми, которые вечно кого-то кормили и что-то собирали. Так же, мне в дорогу дали целую корзину подарков, чтобы передала Михалычу.

Вот только идти было трудно. Я часто останавливалась. Взяла в грязи. Спотыкалась. В конечном итоге, три часа дороги растянулись на целый солнечный день. В начале зимы солнце садится рано.

Когда я добралась до города, наступила вечерняя пора. Проходя мимо "ворот" я не заметила ни одного охранника. Зато появилась тень, которая отделилась от самой дальней стены.

— Здравствуйте, — решила присоединиться к незнакомцу и весело пройти до нужного мне адреса.

Но тень молчала.

Наверное, он думает, что я его не вижу.

— Я вас заметила. — разоблачила неудачного незнакомца. — Вы от Митрошина? — Молчит. — Зязина? — тишина. — Да нет... Чернов вспомнил о ребенке? — удивилась собственным словам.

Но тень... Начала приближаться...

Предчувствие начало вопить, дергая за нервы и подгоняя нервы. Я хоть и была уставшая, но ощутив смертельную опасность, побежала.

— Надеюсь, вам просто побегать хочется! — выкрикнула в темноту длинного прохода под мостом. А мне ответил быстрый перестук чужой обуви. — Я буду кричать!

Но предупреждение не сработало.

— Помогите...

На меня налетело тело, сбив с ног. Падая, я едва не придавила Ивана. Быстро сообразила поднять ребенка под себя и... Тут же ощутила, как чужие руки сжимаются на моей шее.

Ощущая, как кружится голова и хрустят хрящи под хваткой, услышала плач Ивана. Ребенок начал выползать из-под меня. Оттолкнув мальчика, попыталась схватить нападавшего за руки. Ногтями впиалась в его запястья и дернула.

— Сука! — послышалось яростное, а потом...

Темнота...

14. Осознание

Теплые руки... Нежно, будто баюкая, они трогают мою спину, тело, шею...

Воздух... Он вливается маленькими глоточками, настолько маленькими, что мне не хватает. Стараюсь вдохнуть полной грудью, но жгучая боль пронзает голову, слезы выступают на глазах.

Гад! Он мне сломал что-то!

Больно!

— Тс-с-с, — рука надавливает мне на грудь, будто хочет остановить от глубоких вдохов. Не позволяют насладиться воздухом.

В этот момент я не думаю о защите ребенка. Даже не слышу его плача. Мне просто хочется дышать. Дышать, хоть и чувствуя боль, разрывая легкие, но... Дышать!

Хватаю руку на собственной груди. Хватаю так, насколько у меня есть силы. Эти силы малы, но они есть. В ход идут ногти.

— Сильная?! — человек удивляется, но одновременно очень рад этому. Будто я дала ему надежду на будущее.

И тут... Рука, контролирующая, мое дыхание исчезает и... Вспышка боли, алой пеленой застилает мозг, погружая меня в небытие.

Небытие, где есть только я и мои сожаления о несбыточном прошлом... Будущем, которое не могу создать. Хотя какое это будущее для девушки двадцать первого века? Это Девятнадцатый век!

Господи, я запуталась. Пыталась жить как положено в этом времени. Старалась примириться с ролью бесправной гувернантки, но безуспешно. Здесь гувернантка выше простой прислуги, но при этом ее не ставят ни во что ни слуги, ни хозяева. Почему я должна думать обо всем, что касается Чернова и его сына?

— Ма-ма, — внезапно слышу простое слово.

Насколько простое, что в прошлой жизни оно мне надоедало. Каждые пять секунд: "Мама, а это... Мама, а то... Мама... Мама. Мама! Мама!"

Но сейчас...

Прочь, темнота! Я тороплюсь к своей маленькой "почемучке"!

— Ма-ма! — крикнул детский голосок и я...

Очнулась.

Лежу на диване в кабинете Зязина и рассматриваю потолок. Первая моя мысль:

"Где Иван?"

А вторая:

"Недели не прошло после убийства Прохора, как меня опять пытаются убить".

В кабинете я была одна. Кто-то жалостливый накрыл меня шерстяным платком. Рядом стояла пара мензурок: от одной пахло аммиаком, а от второй — травяным сбором с резкими нотками лимона. Видимо, меня пытались лечить местный эскулап. Но должна отдать должное, лечение было назначено грамотное: поверх моего платья красовалась давящая повязка, не позволяющая дышать полной грудью и удерживающая сломанные ребра на одном месте.

Откуда я поняла, что у меня сломаны ребра?

Боль при любом движении, в том числе и дыхание, на правой стороне и крепитация... Я буквально слышала, как обломки скребутся друг о друга при каждом маленьком вдохе. Хорошо, что до пневмоторакса не дошло. Не представляю, чем здесь делают прокол и как проходят обучение торакальные хирурги.

— Жива. — констатировала и тут же закашлялась.

Говорить больно, дышать больно, а кашлять... Боже, я такую боль только после родов чувствовала. Когда каждый шаг отдается во всем организме, а не только в промежности.

Дверь из приемной открылась, и в комнату вошел Чернов. Он увидел меня и даже растерялся. Кажется, он хотел проявить добросердечность, а тут... Свидетель. Да еще и живой.

— Антонина Павловна, — мужчина полностью вполз в маленький проем и аккуратно прикрыл за собой дверь. — Рад, что вы очнулись.

Хозяин оглядел меня с ног до головы и с сожалением посмотрел на стол главы участка. Немного помявшись, он решил, что выразил все сострадание, какое мог, и решил уйти.

— Ва... Кхе-кхе, — потянулась к секретарю, стараясь донести свой вопрос. — Ва... Кхе-кхе... Ня...

Судебный заседатель шокированно раскрыл рот, будто о ребенке я должна думать в последнюю очередь. Но он тут же взял себя в руки:

— Родственники жены писали, что вы любите детей и будете хорошей гувернанткой. Но я не думал, что вы действительно такая, как описывали. Надежда ведь совсем не такая кроткая и послушная девица, о которой говорили. — он буквально выплюнул имя жены, и его взгляд налился кровью.

В этот момент я поняла всю отчужденность и холод этого человека.

Его не просто бросила жена. Она ушла к другому! Надежда готова идти за гусаром, который спит неизвестно где и умрет в любой из предстоящих стычек. Стабильный и тихий Василий был променян на "романтику" дорог. Поэтому и ко мне, гувернантке присланной теми же людьми, что и Дурова, он относился с настороженностью. Чернов обижен на женщин, так как и я обижена на мужиков. Моего терпения хватает только на общение, и то, от некоторых мне хочется откреститься и не замечать.

— С сыном все хорошо, — произнес мужчина. — Спасибо... — внезапно добавил неразговорчивый интеллигент. — Кажется, я задержал вам зарплату.

Ого, у меня должна быть зарплата? А мне говорили, что гувернантка работает за стол, кров и покровительство благородной семьи. Поэтому Я должна приплачивать. Особенно настойчиво деньги вымогала Аглафья. Смотря на нее, остальные девочки - домашняя прислуга Зязина, меня в упор не замечала, пока не начинала просить помощи. Ну не знала я печкой пользоваться, не ведала, чем стирают вещи, бегала за домоправительницей, когда просила шить научить. За помощь я должна была мыть полы или таскать воду из колодца во дворе. Часто за дровами посылали и заставляли золу носить. Поначалу я не понимала, почему девушки смеются, а степенная дама высокомерно смотрит на меня. Оказалось, меня так унижали. Но я, жительница двадцать первого века, воспринимала все как обучение или плату за оказанную помощь. Лично для меня было не зазорно принести воды, пока Аглафья стирает вещи Ивана. Или натаскать дров для печки, пока мне подшивают платье.

Поэтому новость о зарплате меня немного удивила. Я даже забыла, что около двух недель назад ждала прекрасного "треньк" от банка.

— Вот, — Чернов протянул несколько копеек.

Взглянула на гроши и моментально вспомнила, зачем ездила в деревню к кузнецу. По сравнению с тем, сколько я собираюсь получать... Хорошо. Возьму.

Благопристойно взяла денежку и даже улыбнулась. Мужчина явно обрадовался созданной атмосфере и ощутил себя победителем. Джентльмен решил, что беседа закончена и можно идти по своим делам. Но тут я громко хлопнула в ладоши, привлекая внимание. Настойчиво показала на себя, обвела кабинет рукой и закончила на скляночках.

— Кто? Кхе-кхе. — мучительно закашлялась и застонала.

— Кто принес? — Чернов нахмурился, будто пытался вспомнить. — Неприметный какой-то мужичок. Бороды точно не было, но козырек надвинут до самого носа. И тебя, и ребенка, и лекарства. Зязин посылал за лекарем и тот сказал, что все, что мог уже сделал и

оплату от некого "сиятельства" получил. — недовольно пробормотал барин, будто его в чем-то ущемили. — Какое же Это "Сиятельство"? На попрошайку похож.

Интересно. Кто бы это мог быть?

Убийца одумался и решил спасти? Слишком нереалистично. Прохожий? Но почему убийца испугался? Он ведь не закончил свое прямое дело — избавление от свидетеля. Могу догадаться, что плач ребенка привлек кого-то в сумраке, но кого? Мало кто ходит у ворот города, когда обычные люди пьют чай и готовятся ко сну. Неужели, некто вышел в туалет и не дошел до деревянного терема? Услышал плач и ринулся на выручку? Но почему все настолько секретно и быстро, что даже Чернов не знает, кто мой спаситель?

Странно.

Но мои раздумья прервал Зязин. Он ворвался в кабинет и даже не повернулся в мою сторону.

— Родственников первого трупа... Артистки Рыбинской, не нашли. Отправляли запрос в ее родную деревню, но там этих Рыбиных... А она под псевдонимом. Роза! — неопределённо махнул рукой офицер, падая на свое законное место — стул со спинкой. — Понапридумают, а мы теперь все сапоги стопчем. Никакого гуталину не хватит.

Тут Василий Михайлович заметил меня и как ударит по столу рукой.

Бах!

— Барышня Астахова, почему вы опять здесь? — главный полицейский участка схватился за виски, будто от моего присутствия у него сразу начала болеть голова. — Вы все еще носите статус свидетеля, а теперь и потерпевшая. Плохо, что Прохор умер от сердечной болезни, а то бы...

Что? Сердце?

Я моментально вскочила на ноги и, насколько это было возможно, подбежала к столу.

— Что? Кхе-кхе... — закашлялась и едва не упала на столешницу перед шокированным Зязиным. — Как? Кхе-кхе...

Понимая, что такими темпами я свалюсь в новый обморок, начала лазить по своим карманам и нашла то, что мне сделал кузнец.

Ручка!

Да, не из двадцать первого века.

Железная, толстая, с крышечкой, которая содержала в себе чернила. Усовершенствованное перо, которое легко носить с собой, а не целый ящик письменных принадлежностей.

Найдя чистый лист, стала быстро писать:

"Вы уверены, что причина смерти Прохора — сердце?"

— Молодин Петр Федорович дал полное описание не только тела, но и причину смерти. — ответил Василий Михайлович.

И тут я замерла.

Осознание накрыло меня с головой. Нет, не просто с головой. Со всеми ушами, руками и ногами.

Скомкав лист, я почти упала на пол, шокированно глядя на Зязина. Мне хотелось сказать о своей догадке, но в то же время было страшно. Страшно настолько, что проще свалиться в обморок и притвориться изнеженной барышней.

— Что? Что с вами? — забеспокоился Чернов, подоспев вовремя. Пока я изображала обморок, мое сердечко бешено билось, причиняя боль.

— Кузьмин! — крикнул Зязин и в кабинете появился служитель приемной. — Константин Сергеевич, пошлите за доктором. Эх, хотел опросить, а она...

— Барышня все же, — попытался меня защитить Чернов. — Хорошо, что выжила.

— Такая точно не умрет! Пару недель нам голову морочила. Вокруг пальца обвела. Как же, просто жених. А убить ее хочет соперница?

— Всякое может быть. Тем более, это ведь женщины. Неизвестно, что у них в голове твориться. — Интересно, почему Чернов меня защищает?

— Женщины... Тц, — цокнул языком Зязин и начал громко топать. — Конечно, понятно, что от них не стоит ждать великих свершений, но даже у коров есть клеймо, чтобы хозяин мог опознать свой скот. У нас с той Василий, есть паспорт. У купцов и даже у дворника есть бумага, удостоверяющая личность. А женщины... У этой даже рекомендательное письмо сторело. О паспорте промолчу.

Когда я смогла сносно ходить и исполнять хоть какие-то обязанности по дому, прошло три дня. В это время меня никто не трогал и тревожил. Чернов пропадал на работе. Домашние делали вид, что меня нет. Дали всего одно поручение: наносить воды.

Квест девятнадцатого века — добыча жизненно необходимой влаги.

Вода в колоде. Колодец на улице. Ведро у сторожа. Черпак в доме. Колодец закрыт. Ключ у домоправительницы. Не вернешь ключ в течение десяти минут, получишь штрафной подзатыльник.

Но это все меркло с осознанием того, что я поняла. А поняв, испугалась говорить.

Чтобы не запутаться в собственных мыслях, я еще раз построила цепочку:

Перед отъездом в деревню я искала Чернова. Не нашла, но сообщила о своем намерении в полицейский участок. Посчитала, что так правильно: отец должен знать, где сын. В тот момент там дежурил Кузьмин и был виден свет в морге. Возможно, Молодин Петр Федорович работал.

Из этого делаю вывод: о моем передвижении и возможном возвращении со стороны деревни знали лишь в участке... и убийца!

Он ведь не мог понять, куда именно я исчезла? Убийца мог посчитать, что я с Черновым и Иваном поехала на станцию. Или дома сижу, вышиваю, хлеб пеку.

И опять эта мысль... Грызущая, поглощающая, уничтожающая все мои надежды на сотрудничество с полицейскими этого времени...

В участке Крыса!

Вот и еще одна новинка литмоба "Назад в Империю"

Аннотация к книге "Первая кудесница Империи"

Что такое неудача и как с ней бороться — я знаю не понаслышке. Однажды, решив изменить свою судьбу, я встретила с таинственной женщиной. Она сказала, что я появилась на свет не в своё время и что моя истинная судьба ждёт меня в другой реальности. Но самое главное — чтобы тот мир не погиб, я должна спасти кого-то очень важного.

Мгновение — и я оказалась в теле юной дворянки Полины Константиновны Ушаковой, а на дворе стоял 1881 год. Едва придя в себя, я бросилась к императору и спасла его от второго взрыва. Казалось бы, теперь живи и радуйся, но всё оказалось не так просто. Хладнокровный Генерал-инспектор решил завербовать меня в тайный отдел под названием "Имперская инспекция аномалий". Чтобы не состариться в каземате, я согласилась стать первой колдуньей в его службе. Теперь вместо шитья я занимаюсь расследованием загадочных дел империи и пытаюсь сохранить баланс между властным куратором и молодым князем — женихом Полины Константиновны

<https://litnet.com/shrt/tQ21>

15. Непредвиденная встреча

И вот я свыклась с мыслью о предателе, как поняла, что разбираться с собственным убийцей мне придется самой. Конечно, не совсем в одиночку... Я подкупила Зязина, подарив одну из новомодных ручек.

— А мне? — обиженно надул губки Чернов.

— А вам, барин,... Кхе-кхе... За два рубля уступлю! — решила начать зарабатывать на своей идее. К тому же мне надо кузнецу за работу заплатить. Он хоть и сделал в долг "по родственному", но я обещала отплатить.

Чернов обиделся. Засопел, как карапуз и, кажется, даже губки надул. Нечего из себя обиженку строить. Я на него горбачусь, а он только вспомнил про зарплату. К ребенку без напоя не подходит, больную заставляет вкалывать. Видите ли, "не барыня, чтобы задарма хлеб есть".

Ну ничего, вот Зязин сделает мне рекламку. У меня пойдут заказы, наладиться производство. А я... А мне только выжить осталось.

После смерти Прохора, я расслабилась. Посчитала, что раз к Астаховой больше никто не подходит, значит, у нее больше нет знакомых в городе. Но жизнь девушки была яркой и насыщенной, раз даже предполагаемый убийца умер "от сердца". Теперь мне страшно из дома выходить. Вдвойне страшнее от осознания того, что в городе началось столпотворение.

ВСЕ ГОТОВИЛИСЬ К ЯРМАРКЕ!

Это не просто слова.

Серые, тихие, замызганные двухэтажные домишки превращались в чистенькие, приветливые дома с геранью на окошке. Грязные улицы, по которым раньше иногда пройти было невозможно, чистились. Сливные каналы прочищались, пробивались, и даже бедные крысы не знали, куда бежать. Зато кошки, любимицы многих дам, выходили на свою законную охоту с задорным "Мяв". Покосившиеся заборчики, скамеечки, столбики выравнивались, будто старенького, согнутого дедушку выпрямляли и молодили. После нескольких дней я не смогла узнать улицу. Молчу про переулки между домами. Теперь там был не мусор, а обширная площадь для размещения торговой лавки. Даже храм набелили, и теперь он не выглядел, как одинокая башня в сером болотце, а величаво возвышался и был гордостью горожан.

Город преобразался.

Спустя некоторое время у меня перестали болеть ребра. Я даже ходила намного быстрее. Но говорить о своем выздоровлении не спешила. На улицу не выходила и училась шить. Аглафья принесла мне несколько "старых" хозяйских платьев для перешивки на мою тощую грудь. Выдав целую корзину со швейными принадлежностями, решила, что была слишком добра и прошипела:

— Кормишь, девку, кормишь, а ни сисек, ни жопы нет. Тьфу, стыдоба. Кто ж такую замуж возьмет?

— Во-первых, перестаньте ко мне обращаться, как к блудной кошке. Во-вторых, замужество - это женское рабство, только официальное.

Аглафья закатила глаза и удалилась на хозяйскую сторону. А я сноровисто припрятала пару длинных спиц, валяющихся в корзине, и маленький ножичек для обрезки ниток. На первое время хватит холодного оружия. Осталось придумать, куда это все прятать.

Марья Федоровна — жена Зязина, носила небольшую сумочку на поясе. Вещица крепилась ремнем к талии, но была приемлема для женских мелочей. А вот спицы туда никак не влезли бы.

Ближе к ночи вернулся Чернов. Я это поняла по оживленным голосам на хозяйской стороне дома. Иван к этому времени спал, а домашняя прислуга еще не ложилась. Все бежали

около хозяев, которые что-то очень оживленно обсуждали. Благодаря тому, что я любопытная, смогла услышать:

— Сударь, что это сиятельство себе позволяет? "Методы у нас устаревшие", "нет четкого времени допроса", "отдохните, а мне надо систематизировать ваш мусор"!

Ясно. Понятно. Столичный дознаватель приехал. Приехал и тут же свои порядки наводить начал. Теперь мне известно, почему в последнее время хозяев дома не бывает.

— Аглафья, предупреди барышню Астахову, что ее завтра вызывают в качестве свидетеля, — отдал приказ Зязин. — Нет! Пусть с утра придет в участок, и я ее допрошу! Покажу этому молодому, как работать надо!

— Вы бы успокоились, Василий Михайлович. — подал голос Чернов. — Столичные тут недолго пробудут. Наверняка, их что-то смутило в вашем докладе.

— Я написал все по чести! — возмутился недоверием со стороны работника полицейский. — Актриса умерла от передозировки лекарственных препаратов. Извозчик от сердца. А о пожаре вовсе не докладывал. Пустое это дело.

— А покушение на барышню Астахову?

— Наверняка, это кредиторы. Кто-то из родни проигрался или разорился, как вы, сударь.

— Меня жена разорила. Дурова взял деньги на путешествие без моего ведома, а я официально считаюсь ее мужем. Надежда набирает кредитов, а я плачу.

— Вот, а у Астаховой нет покровителя, вот дамочка и приехала в глушь. Прячется. Вы бы присмотрелись к Антонине. Может, она спит и видит, как у вас последние нитки отобрать.

— Да... Но... Кажется, она не умеет врать..., — тихо добавил Чернов.

Голоса начали обсуждать нехороших столичных господ, которые свалились как снег на голову. Потом перешли на дело, которое можно считать нераскрытым.

— Нет связующего звена! — говорил Зязин, причмокивая от вкусного ужина. — И смерти у всех обычные: у одного сердце, у второй — болеутоляющее. Опустим пожар и Астахову. Надо сказать сиятельству, что в нашем городке делать нечего! Пускай убирается.

Я таким злым Василия Михайловича никогда не видела. Мне, кажется, его гордыня начальника ущемлена. Наверное, не смотря на неполную картину, столичные дознаватели почуяли нечто опасное, потому лично приехали в наш городок.

А раз уж даже "сиятельства" действуют, то и мне надо немного пошевелиться.

Накинув на плечи платок и потасканный полушубок, вышла в морозный вечер октября. Прошла мимо сторожа, который уже не обращал на меня внимания. Выскользнула к пристройке. Взяла оттуда лопату и пошла к месту назначения.

Есть у меня подозрения, что Прохор умер не своей смертью. Ему помогли. А если явные улики будут указывать на преднамеренное убийство, то я вычислю крысу отдела. Это будет легко, ведь заключение о вскрытии делает только один человек - Молодин. Все станет ясно и понятно, как белый день. Осталось только не поскользнуться на обледенелой мостовой и...

— Барышня, — зашевелились тени в переулке.

Я быстро выставила лопату перед собой, готовясь обороняться от самого дьявола. Но передо мной появился Митрошин.

Главарь бандюков вышел на свет и улыбнулся:

— Что ж вы, барышня, друзей не признали.

— Друзья не пугают, любезный. — спрятала лопату и поправила свой воротник.

Колется, зараза.

— Поговаривают, что вы не только умны, но и изобретательны.

— Прознали про ручку. — не удивилась осведомленности бандита. В маленьком городке всегда слух идет впереди хозяина. — Я предлагала обучить ваших ребят более сложным, но законным махинациям. Но особого интереса идеи не вызвали.

Мужчина тяжело вздохнул, будто решил над чем-то подумать.

— Учиться обязательно? — горестно спросил взрослый дядя

— Учение свет, а не ученье — тьма. — важно изрекла и тут же добавила: — Учиться никогда не поздно!

— Я подумаю, что можно сделать. — пообещал бородач. — И... Это... Присматривать за вами буду, барышня. А то вы до моего решения не доживете.

— Мудро. — улыбнулась мужчине и продолжила двигаться к намеченной цели — кладбище.

Я не знала, где похоронен Прохор, но была убеждена, что его тело нельзя упустить из виду. Пусть это выглядит плохо, а по церковным законам мое решение вовсе осуждается, но... От этого тела зависит мое будущее!

Но придя на кладбище, я услышала не трескучий морозец, не собственные шаги и не тишину.

Кто-то активно копал землю.

Осторожно, прикрываясь лопатой, я стала приближаться к звуку. Чувство опасности исчезло. Был лишь стук сердца и древко инструмента.

Вскоре я увидела мужской силуэт на могиле. Некто копал и отбрасывал землю в сторону. Могила показалась относительно новой, среди голых крестов, поэтому я приблизилась так, чтобы меня можно было увидеть.

В голове мелькнула мысль: "Может, это убийца? Пришел следы замечать?"

Но тут же натолкнулась на внимательный взгляд незнакомца. Не знаю, как я увидела его глаза в темноте, но мне почему-то сразу стало легче.

Интуиция молчит, поэтому можно расслабиться.

— Вы кто? — шокированно поинтересовался мужчина с небольшой бородкой. — Что вы делаете ночью на кладбище?

— Аналогичный вопрос я хочу задать вам, барин, — с интересом разглядываю темную рубашку, на широких плечах и сильные руки, держащие лопату.

— Вы должны ответить на вопрос. А не шокировать меня и местных призраков, — пришел в себя чернявый незнакомец и нагло усмехнулся.

— А вы должны пускать слюни в подушку и сладко посапывать, — вернула. — Вижу, могила относительно новая. Наверное, вы решили убедиться, что Прохор умер от сердечной болезни? — намекнула на то, что знаю об уголовном деле.

— Для миленькой барышни, вы лезете туда, куда не стоит, — мужчина обтер руки. — Просвященные, обычно, долго не живут.

Интересный человек. Подошел близко. Разглядывает.

— Вот, как бы вы охарактеризовали меня?

Посмотрим, чем он думает. А то "миленькую барышню" углядел. Хорошо, луна светит, и я вижу некоторые черты мужского тела.

— Странная, сумасшедшая.

— Это вы странный и сумасшедший человек. Вы вскрыли гроб и раскопали могилу по чужой указке... Ночью! — не сдержалась.

— Тогда кто вы?

— Отчаянная. От этого трупа зависит моя жизнь

Ура! Вышла последняя книга литмоба "Назад в Империю":

Вышла на улицу попить кофе и упала в обморок. Очнулась в 19 веке, в теле с юной девицы — дворянки.

Теперь я — Анна Ковалева — дочь пропавшего ученого — разменная монета для сильных мира сего. Все думают, что я знаю тайну, которая может изменить ход военной кампании

в Причерноморье. Я же совсем ничего не помню и думаю только об одном — как вернуться обратно домой?.

В этом времени у меня есть родной брат Андрей, который может меня защитить. Но под личиной Андрея Ковалева скрывается турецкий агент, готовый без жалости расправится со мной в любой момент.

<https://litnet.com/shrt/tn9X>

16. Два ума

Черная рубаша незнакомца прикрывала лишь нижнюю часть молодого тела. Сверху она была расстёгнута, давая мне вволю насладиться кусочком голой кожи. Рукава подвернуты, обнажая натруженные плечи, которые паровали от жара на морозном воздухе. Видимо, копать морозную землю очень трудно, но весьма... Любопытно. Мужчина проследил за моим взглядом...

— Да что ж ты будешь делать! — выругался, экстренно застегиваясь. — Прошу прощения, барышня, за оказию. Не думал, что в ночи кладбища встречу вас. — говорил, будто намекал на мое бессовестное поведение.

Церемонно и театрально достала лопату из-за спины и попыталась мило улыбнуться.

— А я приготовилась к труду, — на обозрение незнакомца вытащила кувшин с еще теплым чаем.

Проследив за моими руками, барин усмехнулся. Ведь я, как фокусник, "из шляпы" доставала предметы. Грешна, смотря на маленькую сумочку Марии, придумала, как с помощью ремня на поясе носить все самое необходимое.

— Знаете, если у нас с вами одна цель, то я могу помочь, — протянула кувшин с напитком в качестве мирного знака.

Мужчина вылез из ямы, обтер руки о неизвестно откуда взявшийся платок и подошел. Его взгляд упал на мое правое плечо. После травмы я немного горбилась и постоянно контролировала свое дыхание - боялась вновь ощутить боль. Он продолжил меня обследовать, будто сканировал не только мою внешность, но и старался прочесть характер, прошлое и возможные мотивы. Прямой, колкий, проникающий взгляд. От такого ничего не скроешь. Даже то, что ты сегодня ела и в какую сторону закрутила волосы. У незнакомца явно прослеживается деловая, профессиональная хватка. Я даже вспомнила прокурора из своего времени, который страдал от того, что мог прочесть человека за время, пока тот дойдет до предложенного стула.

Бр-р-р, морозец по коже от таких людей веет. Будто и не люди это, а машины, которые следят за тобой.

— Насладились? — внезапно задал вопрос столичный гость.

— А вы? — не отвела взгляд, хотя еле держалась против проникающего скана.

Внезапно сомкнутые губы за щетиной изогнулись в удовлетворительной улыбке. Нет, он не был доволен сложившейся ситуацией, но я его веселила и не раздражала. Видимо, для его светлости это веский аргумент в мою пользу.

— Надеюсь, у вас еще и чашечки есть для подачи чая? — насмешливый тон. Он немного подался вперед, чтобы заглянуть мне за спину, ища утварь.

Мы и так стояли очень близко, и нас разделял небольшой кувшин. Высокий мужчина в одной рубашке и маленькая женская фигурка, дрожащая то ли от мороза, то ли от компании. Но когда он еще и склонился к моему плечу, я ощутила теплое дыхание на замерзшей щеке.

И все... Он быстро выпрямился и вгляделся в мое лицо.

— Вы покраснели. С чего бы это? — нагло, высокомерно, на грани культуры девятнадцатого века. Будто он знает, какой эффект производит на девушек, и нагло этим пользуется в своих целях.

— Холодно, барин, — резко ответила, недовольно поджав губы. — Если вам противно пить из одной посуды, то верните мой чай. Вижу, вам и без помощи неплохо.

Разозлилась от такого поведения. Знаем мы таких личностей: соблазняют, искушают, а потом комнатка в общаге, пьяные соседи, и вечно виновата Ты. А он... Красавчик, мачо, прекрасный мужчина — "подобрал" бедную женщину с помойки, "отогрел", "обул-одел". Мнят себя Творцами мироздания и чужих судеб.

Ненавижу таких! От одного едва избавилась, второго уже не подпущу близко.

Невыносимо ощущать подобное в девятнадцатом веке. Я считала, здесь джентльменство процветает. А этот... Столичный! Одним словом. Привык, что все девушки на него вешаются и выкладывают свои тайны. Даже противно стало.

Внезапно...

— Ха-ха-ха... — он засмеялся и испугал меня. Я даже подумала, что он обезумел. — Давайте свой чай.

— Минута доброты окончена. — Спрятала кувшин за спину. — Давайте быстро закончим дело. Упускаем драгоценное время. Ночь не резиновая.

Но после этих слов странный человек опять засмеялся, но к моим словам прислушался. Спрыгнул в яму и продолжил рыть. Я решила к нему присоединиться. Приготовила лопату, подошла к краю, но тут...

Мою лопату отодвинули в сторону. Я отошла немного дальше и опять вонзила кончик в землю.

Черт, с моими силами не сильно помогу. Я ведь даже нормально вонзить лезвие не могу. Дурочкой была, когда посчитала, что так легко откопаю гроб собственными силами.

Но тут... Мою лопату опять отодвинули.

— Барышня, отойдите. Не марайте свои ручки, пожалуйста. У вас есть я. — серьезно заявил незнакомец и окончательно забрал лопату, давая понять твердость своего решения.

— Надолго ли, — буркнула и проследила за насмешливым господином.

Незнакомец внезапно замер. Взвесил свою лопату и мою. Отложил свою в сторону и принялся с новой силой колупать мерзлую землю. Кажется, моя утварь понравилась ему больше. Хорошо, я немного отдохну. Подумаю.

Добравшись до крышки гроба, мужчина вонзил острие лопаты в дерево. А потом еще раз и еще.

Бац-бац!

— Громко! — зашептала я, оглядывая могильные холмики в ночи.

— Боишься? Услышат? — нагло усмехнулся разоритель.

— Разбудишь местных!

От любопытства я стала подпрыгивать. Еще минута и я смогу собрать еще один пазл детективной истории. От нетерпения даже немного вздрогнула, когда крышка гроба была взломана.

Минутная тишина.

— Что-то такое я и представляла себе, — радостно взвизгнула, будто это я открыла закон тяготения и кричу "Эврика".

Дознатель стоял и наблюдал за моими нервными вскриками и торжественным хождением из стороны в сторону. Мужчина не отвлекал от дум и развития мыслей, а следил за ходом умозаключений, будто проверял ученика у доски.

— Прохор выглядел вполне здоровым, чтобы скоростижно скончаться. — загибала пальцы, будто доказывала Теорему Пифагора. — Он был обеспокоен из-за неизвестной вещи. Так переживал, что мог поджечь дом, где была моя комната. А еще... Именно рядом с Прохором, как он сам сказал, — закивала головой, наматывая круги у креста. — ... Рядом с Прохором мне стало плохо настолько, что слегла и докторус ничего не мог сделать! Ура! У меня складывается портрет убийцы! — не сдержалась и довольная собой, захлопала в ладоши.

— Так много слов и мыслей после вида изуродованного лица? — искоса посмотрел на меня дознаватель.

— А что еще? Личность трупа нельзя опознать из-за изуродованного лица. Возможно, Прохор, которого я знаю, может быть, вовсе не Прохором и ходит живым "призраком". Молодин занимался вскрытием и мог специально смолчать о настоящей причине смерти, а воз-

можно... — хлопнула в ладоши, будто поймала нужную мысль. — ... Возможно, именно судмед-эксперт является моим убийцей. Кстати, тогда теория с ядом подтверждается. Барин Молодин - врач и знает химические вещества лучше любого в отделе.

Дознаватель нахмурил брови, будто ждал интересного продолжения, но я выдохлась.

Мужчина тяжело вздохнул, а потом добавил всего одно слово:

— Лицо исполосовали После смерти.

Не веря, я подошла ближе. Почти упала в образовавшуюся яму. Поднесла фонарь к телу и едва не рухнула на него. Меня успел поддержать дознаватель.

— Спасибо, — быстро отреагировала. — Вы правы. — пришла моя очередь поджимать губы. — Моя теория с Молодиным теперь выглядит сомнительно. После вскрытия любой мог подойти к телу. Да, и не думаю что Зязин не увидел бы подвоха в изуродованном трупe подозреваемого.

Мужчина внимательно слушал. Мне впервые хотелось говорить и делиться ходом расследования. Даже если я сама не знала, что ищу, но такой наблюдательный товарищ мог помочь. Незнакомец вытянул меня из ямы и принялся закапывать тело. Пока работал, начал степенно, медленно, стараясь донести каждую свою мысль, говорить:

— Барышня Рыбинская была актрисой местного театра в течение полугода. За это время она пыталась найти богатого покровителя. Все знают, как девица "разъезжала в арендованной бричке в маленькой шляпке и картинно помахивала веером". — сказал, будто процитировал чьи-то показания. — Несколько месяцев назад она получила заметную роль в спектакле, смогла арендовать отдельную квартиру, содержала зрителя и начала интересоваться храмом. В это время, в Ирбит приезжает барышня Астахова, которая каждые три дня просила отпуск от работы, чтобы побыть с женихом. Поговаривают, они часто гуляли по улице, где располагаются семьи высокоранговых служащих. Таких, как Зязин... Мне продолжить свои умные мысли, барышня Астахова? Или мы встретимся завтра... Точнее, уже сегодня в отделении, и вы мне расскажите то, что утаили?

Умный прокурор – хорошо для Ирбита.

Цепкий прокурор — плохо для меня. Я о жизни Астаховой сама узнаю из чужих уст. Но даже при плохой игре, надо делать довольную мину.

— Благодарю за приглашение, — изобразила поклон. — Вы четко изложили свои заключения. Хотите найти подвох и сделать меня не свидетелем, а соучастником. Барин, вы упускаете один факт – все это время меня системно и методично пытаются убить.

— Наличие у вас врагов снимает все подозрения? — строго спросил офицер. — Сейчас девушка, пришедшая на кладбище за ответами, вызывает больше подозрения, чем убийца, застуканный на месте преступления. Может, некто пытается замести след, а вы главная улика.

— Вы меня обвиняете?

— Пока, нет. Подозреваю.

Взгляд мужчины замер на подрагивающем фонаре, который я удерживала трясущимися руками.

Боже, кажется, меня зажимают со всех сторон!

17. Встала с колен

Ночь получилась очень информативной.

Я познакомилась со столичным дознавателем, которого зовут... Как жаль! Я не успела спросить имени. Беда-беда, огорчение! Как же некультурно получилось. Он меня знает, а я не успела имя спросить. А мнила себя великим следователем.

Хех, издержки профессии.

Так как я работала с телами, с ними много не поговоришь, поэтому я всегда опиралась на действие, факты и прямые улики. Забыла, что настоящий, опытный мастер своего дела собирает показания. К примеру, Незнакомец. Он ведь не просто так появился у могилы Прохора, да еще и с лопатой и со знаниями обо всем, что случилось в маленьком городке. Он молодец, а я... Мне просто некогда. У меня чужой ребенок на руках.

Ночь плавно переходила в раннее утро. В маленькой гостиной мерно поскрипывали старинные напольные часы. Маятник гипнотизировал взгляд. Гири спокойно ожидали своего времени.

В этом предрассветном моменте есть нечто мист

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.